

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

Москва, Старая площадь, д. 10-4.

Тел. 1-89-13.

Отделения: в Архангельске, Екатеринбурге, Ново-Николаевске и Воронеже.

Рукописи принимаются написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

Литературно-художественный и научно-популярный
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1-й АБОНЕМЕНТ: на год 8 р. 50 к., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мес. 2 р. 50 к.
2-й АБОНЕМЕНТ: на год 13 р. 50 к., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мес. 4 р.
3-й АБОНЕМЕНТ: на год 15 р., на полгода 8 р., на 3 мес. 4 р. 50 к.
4-й АБОНЕМЕНТ: на год 17 р., на полгода 9 р., на 3 мес. 5 р.
5-й АБОНЕМЕНТ: на год 20 р., на полгода 11 р., на 3 мес. 6 р.
6-й АБОНЕМЕНТ: на год 25 р., на полгода 14 р., на 3 мес. 7 р. 50 к.

№ 6

10 Апреля

1924 г.

ДЕЛО ЭРБЭ И Ко

РОМАН

М. ПРОТУСЕВИЧА И И. САБЛИНА.

ИЛЛЮСТР. МИХ. ЯГУЖИНСКОГО.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ.

В Москве арестован Эрбэ, при нем найдены адские машины и зашифрованная записка. Шифр — двойное обозначение. Следователи Косини расследуют его. Ними дела ведутся и-а ружья. Андрей и Сергей направляются следователями в Батум. Он один как представитель Залинского общества. Дорва полагает приключить. — Встречают аналитический миносек, открывают берега Пявеново, где вместо Пони — белые; в Пони Сергея арестовывают, но он освобождается. В Батуме Андрей узнает, что бежит. В Тифлисе Сергею удается посредством бокса освободиться от офицеров и бежать на автомобиле. Шюффер, Сива Стукко, ака молится осколку.

В Батуме Андрей по вагонетке слышит унает коммуниста. Осторожный разговор между ними и Андрей знакомится с подпольем. В тот же день ему удается послушать разговор двух бывших офицеров — и он вербует их себе в работники. В духане Андрей случайно расшифровывает записку: Мария 14 — Г — Маринская ул. Он считает тем комуна и узнает подробности заговора.

Сергей у боксера (которого изображает Сива Стукко) встречается с Андреем, и они намекают дальний план действий. Между тем Сива Стукко, привязанный к локману Болтинскому, попадает в заперто — с трупом освобождается и убеждает, захватив с собой важные документы.

Между тем к английскому генералу Кук-Нолле с секретными донесениями прибывает от Врангеля один офицер. Сива Стукко, в качестве переводчика, провожающего офицера на пароход, удается толкнуть его на скользкий пристань. При этом портфель летит в воду и его достает для Стукко «свой лодочник».

Через предубитых лань врагов, Стукко и Леонид, с согласия Сергея, решают «орвать нефтяные баки. Это предубитые им убежда.

На Батумском вокзале зорька Катя узнает в Сергее мнимого боксера и вместе со своим спутником начинает его преследовать.

ВЕРОЯТНО, эта фраза придала много бодрости кучеру. Он с таким усердием рванул лошадей, что, даже много выдавший видов, соседний извозчик протерпел: «Что ты рехнулся...»
Но ему не судилось было кончить свою фразу. Три офицера бешено вскочили в фазтон и, указывая револьверами на уносящуюся побычу, кричали: — Догоняй, мать и прочее...

Началась бешеная гонка по улицам Батума. Лошади преследователей были свежие и расстояние между экипажами стало медленно уменьшаться.

Взвуг из фазтона преследуемых вылетела фигура — шаг три пробегала и упала. Разглядели три выстрела. В то же время с другой стороны фазтона выскочила другая фигура с чумачикомом и тоже упала.

Внимание преследователей было перекинато на левую сторону улицы — и это дало возможность человеку с правой стороны скрыться во двор. Выстрели, как видно, были удачны, так как послышался стон, заглушенный свистками постовых и голосами из переулка.

Картина преследования изменилась. Теперь пересев был, вследствие уменьшения груза, на стороне преследуемых. Расстояние между фазтонами стало быстро расти. Офицеры, в ярости осыпая лошадей и кучера проклятиями, стали беспорядочно стрелять.

— Сергей, заверните во второй переулок налево, там проходной двор.

Кучер — Сергей поспешил выполнить совет поручика — Валико. Затем он уменьшил ход и бего выпрыгнули из экипажа. Прежде, чем оказался фазтон противника, Сергей и Валико исчезли.

Напрасно стреляли и угадали, напрасно обшивали все двory три военных — наши друзья были уже далеко...

Между тем, как в центре города ребята завели волынку из-за денег, Андрей мрачно сидел в загородном духане. Его также смущал денежный вопрос. Против него сидел худой и очень высокий человек с разбитыми стеллами на глазах и с неутоливой жаждой к спиртным напиткам.

Безнадежная полуулыбка, тоскливые движения рук и умные с хитрой глаза привлекли внимание Андрея. В это время в духан вошла пьяная компания. Одна парочка отделилась и села за столик худого и печального человека. Сперва тот не заметил, но когда, подняв глаза, увидел грузина с маузером — улыбка искривила его тонкие губы.

— Будьте добры оставить меня в покое. Я со шипками за одним столом не сижу!

— Ишак! Как ты смеешь оскорблять особый отряд. Ты балдеешь — сукин сын!

Со всех столиков потянулись оскорбительные.

Положение молодого человека было аховое. Однако, он попил стакан водки, вынул револьвер и сказал:

— Резать себя не позволяю.

Грузины стурдили, бросая чиничные слова по адресу смельчака, а тот поднялся, сделал шаг вперед, поклонился ладом:

— Простите, я не имел намерения вас оскорбить, — и снова сел.

Дама пошла к разгорячившимся грузинам и стала их уговаривать не затевать скандала.

— Только для тебя, мой свет, я его оставлю. Мерзавец!

Молодой человек иронически улыбнулся, пролонная пить водку.

Грузины еще немного попили, поругались, а затем ушли в отдельный кабинет пьянствовать.

Андрей заинтересовал этот флегматичный пареня.

Он попросил разрешения присесть и получил согласие. Разговорились.

— Я не удаляюсь вашей смелости, но меня поражает, почему людина особособотрядчиков отступила перед вами?

— Это не смелость — это знание нравов. Я действую наверняка. Не из любезности извинился я перед дамой, а только спосая свою шкуру. Если бы хоть немного погорячился — был бы убит; впрочем, нисколько бы не пожалел об этом.

— Почему такой пессимизм?

— Делать нечего.

— Это в такое-то время делать нечего, что вы?

— Мое место не здесь. Здесь мне работы нет, а туда, где я нужен, мне места нет.

— Почему?

— Друг, не спрашивайте меня о прошлом — оно позорно...

Он снял рабитое пансья и долго смотрел на Андрея.

— Знаете, за стаканом водки в трактире иногда совершаются чудеса. Я чувствую, что вы могли бы дать мне работу. Попробуйте. Спасете меня от пули или от этого зелья. Меня зовут Виктор Стретов.

— Ладно. Попробую. Ступайте за мной.

У Андрея кружились голова от прозротов Стретова. Самые смелые планы, о которых Андрей и мечтать не смел, в устах Стретовых казались легко выполнимыми пустяками.

— Кто наши враги? Если англичане, с ними можно бороться простым способом. Я их берушь выжить. Не забудьте — здесь минный двор. Открывается он армянами; значит — дружба, вино, женщины и через несколько дней он в нашем распоряжении. Англичане беспечны, чувствуют себя, как дома. Я берушь, посредством одной митровой лодки и мин, одновременно взорвать все суда, находящиеся в порту. Я ежелегнору рыбаку и уже острелся.

— Если же враги грузины, — достаньте малость денег и мы отремем их со всеми бронепоездами. Для них это смерть. Помните, что 30.000 алжарцев готовы в любую минуту выступить во главе с Кескин-Зодь. Я у них бывал и они мне верят.

— Если же белые — то тогда нужно прервать сообщение с Крымом — и они уявнут в 2 месяца.

Надлась бешеная
точка по улицам
Батума.

- А каким образом?
- Взрывать суда.
- Это дело.
- Тогда я буду ночевать в порту.
- Ладно.
- Они разошлись.

Валико нервничал. Среди суетящихся белогвардейцев он заметил вдруг высокую фигуру полковника и почувствовал на себе быстрый и пронзительный взгляд его. На секунду нерос по коже пробжал. Узнает ли? Но тут же успокоил себя — ведь лицо было загримировано, а фигуру в фатоне вряд ли заметил.

Валико стоял в очереди на запись отъезжающих добровольцев в Крым. Записавшись, каждый входил в кабинет, апартаменты генерала Драценко, где после опроса получал соответствующее удостоверение.

Каково было удивление Валико, когда, открыв дверь кабинета, он увидел за письменным столом полковника Войтинского.

— Чему вы удивились так, г-н офицер? — подозрительно спросил Войтинский.

Начало было скверное. Валико решил действовать. Он ближе подошел и, внимательно рассматривая полковника, пожал плечами и стал протирать очки.

— В чем дело? — возмутился полковник.

— Г-н полковник, припомните, мы с вами уже встречались, — твердо отрезал Валико.

— Ничего не понимаю!..

— Полковник, вы в Москве в 19 году что делали?

Войтинский вскопчил, как ошпаренный.

— Однако!

Валико тихо и настойчиво повторил вопрос.

— Да вы с ума спятили. Понятно, нет!

— А могли бы вы удостовериться это?

— Чорт возьми! Это уже слишком! Конечно, могу. Но откуда такой разговор?

— Очень просто. В 19-м году я был в Москве по делам и могу ругаться, что вас видел. А время теперь, знаете, опасное и я не успел бы до тех пор, пока не буду убежден, что ошибаюсь.

— Ах, вот как! В таком случае вы правы. 19-й год я провел на фронте, в этом вы убедитесь. Но вы что, милейший, делали в Москве?

Валико, хитро улыбаясь, надел очки.

— Я на фронте не был но я помогал фронту, вы меня понимаете?

— Работали в разведке?

— Вот именно.

— Это хорошо. Это очень хорошо — оживился полковник —

ваша осторожность говорит лучше всяких документов. Такой человек как раз теперь необходим. Мы с вами ближе познакомимся на дому. Приходите завтра, непременно.

— А когда прикажете готовиться к отплытию?

— К отплытию?.. Не торопитесь, милый друг, не торопитесь, вас ожидает работа более интересная.

— Понимаю — шелкнул шпорами Валико.

— Итак завтра в 7, по этому адресу

— Слушаю-сь, г-н полковник.

На следующий день Валико был у Войтинского. Он застал там генерала Драценко. Войтинский встретил Валико как давно знакомого.

— Это тот офицер — мой приятель, о котором я вам говорил, ваше превосходительство, он предлагает нам услуги в качестве подпольного работника.

Генерал ослепшими глазами рассматривал Валико. Он был пьян в доску.

— Корниловец... Корниловец... Молодец, сразу видно.

Валико улыбнулся, но решил не возражать.

— Только, смотри, за этой бабенкой нужно следить в оба, да... да-сь... Бабенка шикарная и пикантная... смотри, не того... да-сь... хитрит, сволочь... раздразнит, выведает... смотри, брат... расстреляем в три счета... да-сь...

Войтинский дружески мигнул Валико, и тот выткнулся в струнку.

— Рад стараться, ваше превосходительство...

— Молодец... Молодец... Корниловец... Ну-сь... так-сь... Вы пойдите там... да-сь... по делам... а я посплю...

Войтинский и Валико вышли. По порогу Войтинский познакомил Валико с делом.

— Вы понимаете, что зсыры народ ненадежный. Но нам нужно их использовать. За исключением Кати, все остолонь.

— А Катя?

— Это чорт в юбке. Она всем вертит. Сейчас она поехала в Москву с поручениями. Но я бы отдал многое, чтобы узнать истинную цель поездки.

— Вы боитесь провокации?

— Всего оживлю. Противник — опасный. Пользуется женскими средствами...

— Что-ж поддается се чарам. Мне приходилось.

Оба рассмеялись.

Х. Гости из Батума.

Миша нервничал и вел себя подозрительно. На всякий звонок он реагировал: выскакивал в темный коридор и прислушивался к вопросам ехиднивших.

Соседи Миши — рабочие печатники жили в милицию о позовительном жилье. Однако, когда начальник участка, уходя, крепко пожал Мише руку, рабочие смеялись в чем дело и всячески старались оказывать ему услугу.

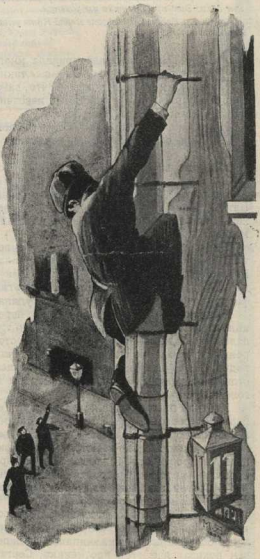
Миша ждал и томился. Не раз он обращался к Костину с жалобой на бездельность дежурства, но неизменно вслушивал:

— Не нервничай, брат, и не торопись. Все данно за то, что к тебе придут.

И Миша ждал, строя сотни планов, как надо будет повести себя в случае подобного визита. И все же, когда в передней раздавался твердый голос, немного растягивающий слова:

— Гражданин Эрбе здесь живет? — Миша в первый момент растерялся. Прячась за коридорный шифер, он разглядел высокую, широкоплечую фигуру с бритым лицом.

— Здесь. Вот его комната, — сказал сосед, запирая входную дверь. Входите прямо, он еще спит.

Незнакомец взбирался по восточной трубе.

Когда гость, войдя в комнату, спросил: — Эрбе, ты здесь, — у Миши мелькнуло: «Знает Эрбе в лицо». Быстро вынул револьвер, подскочил к дверям и крикнул: — Не оборачивайтесь! Руки вверх!

Но вошедший, быстро присев на корточки, повернулся на одной ноге и, схватив Мишу за правую руку, ударом головой в живот сшиб его с ног. Все это было сделано с такой стремительностью, что, когда Миша сообразил в чем дело, он уже лежал на полу в коридоре. Быстро поднявшись, он бросился к дверям, но было поздно. Изнутри послышалось шелканье ключа и, когда Миша с силой рванул ручку, один за другим два гулких выстрела раздалась из комнаты. Что-то острое обожгло плечо и горячее-липкое потекло по груди.

Отскочив в сторону, Миша, не целясь, выстрелил в дверь и, подбегая к комнате соседа, воплолось, задымаясь, бросил:

— Скорей звоните, — он назвал номер, — вызовите Костина. Сообщите, что гость явился. Я, кажется, ранен.

И снова был у своей двери.

— Не пытайтесь выйти, — крикнул он и подкрепил слова выстрелом.

Из комнаты послышалась беспорядочная стрельба. Затем вдруг все стихло. Мише показалось, что он слышит скрип открывающегося окна, и он опрометью кинулся по коридору, вниз по лестнице, затем, по тротуару к выходным воротам.

— Бежит в окно, но я его здесь спаяла.

Миша ждал, но никто не показывался. Прошла минута—две. Миша с беспокойством вошел во двор и на секунду онемел. Незнакомец взбирался по водосточной трубе на крышу трехэтажного флигеля.

— Ни с места! Буду стрелять!

Незнакомец остановился. Миша, целясь в упор, подбежал.

— Спускайтесь, или вы погибли.

Незнакомец стал осторожно спускаться. Вдруг сорвался и прыгнул на Мишу. Оба попалились. Револьвер Миши выпал из рук...

Раненому было труднее подняться и когда он встал, гость уже выбежал из ворот. Но тут раздался крик. Рабочие-печатники, спустившись вниз, были свидетелями этого трюка, и когда незнакомец выбежал из ворот, то попал к ним в объятия. Началась лихая борьба: трое против одного. Но вдруг, откуда ни возьмись, в руках противника каскетка—и один за другим два печатника упали с окровавленными лицами. Незнакомец вырвался из рук третьего и пустился бежать по направлению к Петровке. Миша и оставшийся печатник за ним. На повороте показалась группа красноармейцев.

— Стой!—незнакомец продолжал бежать.

Тогда раздалась несколько выстрелов из винтовок и, как подкошенный шов, беглец свалился. С одной стороны, Костин с красноармейцами, с другой—Миша с рабочими побежали к нему. Высокий человек лежал, хватившись обеими руками за лицо и судорожно вскидывая головой.

Он еще раз широко открыл рот, как будто ему не хватало воздуха, и с трудом проглотил слюну.

Раненый в ноги и грудь, он не мог встать и—бледный—зло о лядывал стоявших вокруг него людей.

— Ну, доктор, как, наш пациент выживет?

Не забудьте, что ваме солгали помочь нам дано в письменной форме и цене.

— Безусловно. Раны у него не опасны, кости не задеты. Правда, температура держится высокая. Но это понятно, особенно, если принять во внимание его душевное состояние.

— Да состояние, я полагаю, не из приятных. Однако, подложите его поскорей. Когда, вы думаете, можно будет его допросить?

— Не ранее—недели—двух. Но вам с ним трудно будет. Норовистый субъект. У него желудок не действует (это бывает у раненых в первые дни), я велел клизму поставить, ни за что не дал и слабительного не принял.

— Переважив приходится силой делать. Костин нахмурился и, когда доктор ушел, повернулся к козлившему по комнате Сергееву.

— Скажи, ты окончательно уверен, что это Бараников.

— Ни малейшего сомнения. Я его хорошо знаю, помню по Парнику, когда решался вопрос о его исключении из партии с-р. за слишком правый уклон. Он бывший террорист: человек решительный. Как это он скался?

— Растерял все патроны. Ну, а потом—раны...

На следующий день доктор по телефону вызвал Костина.

— Бараников при смерти. Приходите скорей. Я еще сам не знаю в чем дело

Бараников лежал на койке с посиневшим лицом, заметно осунувшись. Крупные капли пота покрывали его лоб. Он громко стонал, то и дело хватаясь за живот. Судорог подергивалось все тело.

Доктор подергивался взглядом на больного. Все признаки затора в желудке... Костин вдруг оживился.

— Вы говорите—затор в желудке, а отчего он мог бы быть?

— В данном случае нет причины. Прошло ведь три дня. Я ничего не понимаю. — А хирургическим путем помочь нельзя?

— Все равно нужно попробовать: мне это важно.

Но еще до операции Бараников начал агонизировать и умер на операционном столе.

— Сделать немедленно вскрытие,—коротко распорядился Костин.

Миутн через десять, перед удивленными глазами собравшихся, доктор разворачивал извлеченный из кишечника кусок шелковой материи.

— Вот она—причина затора.

— Ну-с, дорогой доктор,—успешно сказал Костин,—вы можете читать лекцию своим ассистентам о причине преждевременной смерти вашего пациента, а трепанту покажите сюда. Кажется, на ней еще можно прочесть кое-что,—обернулся он к Сергееву.

В ОТПУСК.

Фотографии Зубкова.

— Это, черт, знает, что такое, — горячился Сергеев, нервно прохаживаясь по комнате, — со смертью этих двух типов у нас терются здесь всякие следы...

— Ну, положим, не всякие, — задумчиво остановил его Костин. — Смерть Эрбе дала нам указания на Батум и, думаю, мне, — ребята с'ездыт туда недаром. Сейчас это наш самый сильный козырь. А несколько строк на полотнянке из живота Баранникова говорят о том, что у них, во-первых, более широкие связи, во-вторых, до сих пор здесь из центра был только Эрбе, и Баранников прислан ему на помощь, и, в-третьих, в ближайшее время сюда наедут еще «молошца».

— Конечно, хорошо уж то, что мы знаем из — каких кругов исходят эти затеи, но все-таки нелепое положение: взять двух главарей, не нащупав периферии.

— Да, брось ты ворчать, старина. Не сегодня — завтра получим известия от ребят.

— Но они далеко... И неизвестно, как еще доехали. Знаешь... мне пришла мысль в голову использовать одну мою знакомую.

Вышедшая эсэрка. С октября, когда я был ранен, потерял ее из вида и только вчера встретил. Она давно уже отошла от партийной работы и учительствовала последнее время где-то в провинции. Могу поручиться — целиком предана Советской власти. А знакомства у ней были широкие! Может пригодиться.

— Ну, что-же, если ты ее знаешь, потолкуй. Хотя уж больно человек ты доверчивый, дай-ка я с ней сперва сам познакомлюсь.

— Ладно.

Общение сотрудников Всероглаштаба гудело печальным ульем. Только в комнате заведывающего, близосточными отгелом, Эдуарда Исифовича, было тихо. Он силен, пождав свои короткие ноги под стул и упираясь круглым животом в край стола. Толстые пальцы его нервно крутили бумажные шарники.

— После такого успеха твоих концертов и заметки, которую ты поместил в «Известиях», тебе нечего бояться, — говорил си развалившемуся в кресле Вацлаву Казимировичу, — но вот эти твои дела... я совершенно не знаю, как тебе помочь.

И его заплясавшие глаза беспокойно забегали по комнате.

— Неужели вы думаете, дядя, — нарочно растягивая слова, произнес племянник, — что я только затем приехал из Батума, чтобы играть перед этой сволочью на скрилке и давать турацкие заметки в газетке? Не забудьте, что ваше согласие помочь нам дано в письменной форме и цело.

— Да... но тогда Деникин был под Орлом, я думал...

— Вы в наших руках, вот так, — и, вскопчив, он до боли сжал своими длинными тонкими пальцами пухлую руку старика. — Вот так, Понявай? Вы забыли свою родину, честь! Вы должны искупить свою службу у большевиков. Одним словом, — продолжал он уже более спокойно, — нас мало интересуют ваши мысли и расчеты, нам важно ваше положение, ваши возможности. Ну, а затем, вы получите, разумеется, известное вознаграждение за свой риск, сможете переехать за границу. А если нет, — угрожающе закончил он, — то ведь мне ичтенуть отсюда не трудно, а ваше письмо мы перешлем в Чка.

(До следуюц. номера).

Уже второй месяц в крестной казарме большие события. Уходят в отпуск красноармейцы 1901 и старших сев. в. Казарма отов, тем принят новых солдат революци — призывеиков 1902 г.

Уходящим в деревню все партийные и советские органы уделяют очень много внимания. Что должны делать красноармейцы в деревне? Как строить новую жизнь? Как учить крестьянскую организацию? О чем и как доводить до советской власти и партии факты из жизни деревни? — На все вопросы красноармейцы плашуют порошой и ясной ст.т. Они не совсем уходят из армии. Они только отправляются на новый фронт — борются со старым в нашей деревне. Организация РКСМ и работа молодежи в целом должны добиваться, что бы на этом фронте не было ни одного дезертира из ушедших в отпуск.

Наша стимма изобр. жуют прецише усаживающих и раздучу литературы в едином из артиллерийских вилезионов Москвы.

№ 2. КОНКУРС «СМЕНЫ» № 2.
НА ЛУЧШУЮ ШКОЛУ ФАБЗАВУЧА.
Условия конкурса на обложке. Материалы будут печататься с 8-го номера.

ГРАММОФОН.

Из повести «Железный поток» А. С. Серафимовича.

Иллюстр. худ. Ф. Иванчука.

НЕ УСПЕЛО просветлеть небо, а уже голова колонны далеко выгнулась и поползла по шоссе.

Направо все тот же голубой простор, налево густо гроздеват лесистые горы, а над ними — пустынные скалы.

Из-за скалистых хребтов выливает разгорающийся зной. По шоссе те же облака пыли. Тысячи полчища мух испуганно липнут к людям, к животным. — свои кубанские спелые мухи презанно сопровождают отступающих от самого дома, несут вместе и, чуть зорька, подмигают вместе.

Извиваясь белой змеей, сползает клубящийся шоссе в гущу лесов. Тишина. Прохладные тени. Сквозь деревья — скалы. Нескольких шагов от шоссе, и не прелерешься — непролазные дебри; все спутано хмелем, лианами. Горчат огромные гилы лезвий-деревя, хватают кружковитые шипы выжженных кустарничков. Жилье медведей, лисных кошек, коз, оленей.

Когла-то, разбросанно по горам, жили ту черкесы. Вылился по ущельям и в лесах тропки. Изредка, как зырышки, серели по скалами сакли. Среди девственных лесов попадались маленькие площадки кукурузы, либо в ушельях у воды небольшие сады.

Лет семьдесят назад царское правительство выгнало черкесов в Турцию. С тех пор дремуче заросли тропинки, оплечали черкесские сады, на сотни верст распростерлась голодная горная пустыня, жилище зверя.

Хлопцы подтягивают все туе веревочки на штанах, — все больше сжимаются выдаваемые на привалах порции.

Ползут обозы, тащатся, держась за повозки, раненые, качаются ребячья головишки, натягивают постромки единственного оружия тощие артиллерийские кони.

А шоссе, шловоливо затвернувшись легкой, извилисто спускается к самому морю. По голубой беспредельности легла — смотреть больно — ослепительно переливающаяся солнечная порога.

Прозрачные, стекловидные, еле приметные морщины неуголовно прохлывают откуда-то издалека и влажно мочут густо усыпанную по берегу гальку.

Громада ползет по шоссе, не останавливаясь ни на минуту, а хлопцы, лягача, ребятишки, раненые, кто может, сбегает под откос, свергают на бегу тряпье штанов, рубашонки, кбки, торпелло составляют в козы винтовки, с разбега кидаются в голубоватую воду. Тучи искр, сверканья, вспыхивающая ралуга. И взрывы такого же солнечно-искаряющегося смеха, визга, крики, восклицания, живой человеческий гомон, — берег осмыслился.

Море — нечеловеческий огромный зверь с ласково-мудрыми морщинами притих и ласково лижет живой берег, живые желтеющие тела в ярком движении сквозь взрывы брызг, крика, гоготания.

Колонна ползет и ползет. Одни выскакивают, хватают штаны, рубахи, юбки, винтовки, бегут, зажав подмышкой проволочную одежду, и капля жемчужно дрожат на изгорелом теле, и, лопая смолк, под веселым удлинением, гоготанье, скоромные шутки торпелло вздевают на шоссе пронастое тряпье.

Другие жанде сбегает вниз, на холу раздвояются, кидаются в гомон, брызги, сверканья и притихий зверь теми же набегающими старыми прозрачными морщинами ласково лижет их тела.

А колонна ползет и ползет. Забелели дачи, забелели домики, местечки, редко разбросанные по пустынному берегу. Сиротливо растаяли вдоль шоссе. Все жметса к узкому, белому полотну — единственная возможность передвижения среди лесов, скал, ущелий, морских обрывов.

Хлопцы торпелло забегает на дачи, все обзират, — пусто, безлюдно, заброшено.

В местечке коричневые греки с большими носами, черносильными глазами, замкнуты, жмутся к саташной вредливости: — Нету хлеба... нету... сами сидят голдные...

Они не знают, кто эти солдаты, откуда, куда и зачем идут, не расспрашивают и замкнуты, враждебны.

Спелали обсык — действительно, это. А по роже видно, спрятали. За то, что это не свои, а грексы позаврали всех коз, как не кричали чернотелые греначи.

В широко, отодвинувшем горы устье русская деревня, неведомо, как сошла занесенная. По ду извилисто подблескивает реченка. Хаты. Скот. По одному склопу желтеет живые, пшеницу сеют. Свои, полташи, балаакут по шамшу.

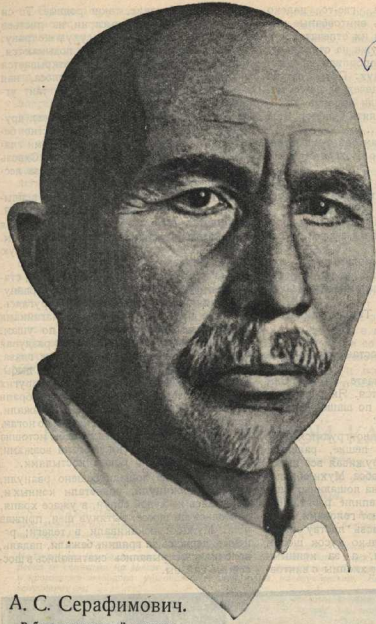
Подлелись, сколько могли, и хлебом и пшеном. Распраскивают, куда и зачем. Слышали, что спихнули царя и пришли большевики, а як воношо, не знают. Рассказали им все клалы и хот и жалко было, ну на ведь свои, и позаврали всех кур, гусей, уток, пол воя и причиняе баб.

Колонна тянется мимо, не останавливаясь.

— Жрать охота, — говорят хлопцы и еще туе затверкуват веревочки на штанах.

Шныряют эскарпирон по дачам, шарят и на последней даче нашарили грамфрон и шелую кучу пластинок. Приторчили к пустому седлу, и среди скал, среди лесной тишины, в облаках белой пыли поносель:

— ... бло-ха... ха-ха... бло-ха... — чей-то шершавый голос, будто и человек и нечеловек.

А. С. Серафимович.

Рабоче-крестьянский писатель.

7 января 1883 года в станице Нижнее-Курмырская, Донской области, в казачьей семье родился будущий писатель.

С 11 лет, когда умер отец, он вступил в службу неграмотной бедности.

Однако, большая мать его вступалась, чтобы дать сыну образование. И это ей удалось.

Серафимович окончил гимназию, попал в университет. Только за год до окончания последнего курса жандармы напали на след его революционной работы и арестовали. Серафимович, уже знакомый с ученым Маркса, автор воззвания к пионерским рабочим, попал в тюрьму Архангельской губернии. Местом его ссылки была холмская и турманная Мезель.

Взды, подержавший теплот буржуйского другого сыновья Московского (см. статью Пеллечча в № 1 «Смена»), он начал писать литературные статьи.

Рабочая молодежь знает прописные и прописные рассказы Серафимовича о трудовой жизни бедноты рабочих, о верховской борьбе московских пролетариев, его книгу «Город в степи», десятки его рассказов о жизни земледельцев.

Как часто немалые писатели, Серафимович связан с массой. В 1917 году в степях близ Ростовца он отделился для проповедания. После под угрозой буржуазных литераторов листочки и воззвания для Московского комитета нашей партии, для Московского совета.

С мая 1918 г. Серафимович — член нашей партии. Затем он вступил вое на фронты и работал как неутомимый корреспондент на восточном, польском и французском фронтах для «Правды».

Его художественные наблюдения дали ему материал для большой книги «Борьба», первую часть которой «Железный поток» тов. Серафимович уже написали в сборнике «Небеса».

На днях состоялся 35-й литературный двенадцатый Серафимовича. Он — член рабочей молодежки редакция «Смена» горячо приветствует сыновью борьбу на литературном фронте.

Святой Жерен начал свое молитвословие.

жужжало, он старался поросечь темень поперек, думая, что так он найдёт берег, или, по меньшей мере...

— Он чувствовал, как силы покидают его, тело все тителелод, дыхание делается коротким и его оконечные ногти уже впило шевелится в воду, и касаясь воды... Он чувствовал себя потабамам, стоящим перед выбором бронтё. Мариуса и спастись на берег обходом, или же потонуть вместе с ним. Он не колебался.

— Нам не везёт, — сказал он громко, — надо умирать здесь, пойдя на яву.

— Что? — спросил неожиданно Мариус слабым голосом.

— И в это самое время ноги Жана коснулись скалы. Он сделал еще шаг, он шаг. Они были спасены. Он двинулся еще: вода оползнула поперек, она была теперь еще по груди... Еще три шага и крушение воды был еще ниже. В одну минуту его силы удостерились от радости. Он сплывал со своей ношей 4—5 прыжков во мрак, наугад, в ринком рабнть себе под к какому-нибудь... скалы не было и он очутился на земле с Мариусом, пришедшим в себя.

— Мариус, мой верный Мариус, мы в безопасности, мы больше не в воде. Помогни же мне, — сказал он, — видел Жан, как все еще было темно.

— Ах, как я глуп, — выжал Жан, — и я забыл, что еще не рассвело. Наконец, ты чувствовал почва под ногами, не правши? Мы спасены, ну!

— Где мы. Скажи мне. У меня тямела голова и все ходило кругом.

— Чорт возьми, да ведь ты утонул!

— Но ведь-то пропала, что-ли? Вспь замимчалась вара, когда мы проотались.

— Мы в гроте, мой друг, я не знаю, где это. Я считал, что мы спасены. Но как выйти отсюда?

— Мы это улавия носом. А сейчас — послоним и послим. Сказь нас не прудит слышать. Они вытаскили хлеб из своих мешков.

Хотя он и голодом, они полагли его еще немного водкой и потом, несмотря на жесткую скалу и мокрое платье, уснули, добросовестно храпя.

Когда они проснулись, то, конечно, чувствовали себя лучше. Они закусили еще и, так как они дали им силы, они вновь оживили.

— Это еще не все, — сказала тогда Мариус, — поспать, поесть и обсушиться немного. Теперь дело в том, чтобы нам найти дорогу. Это не легко. Мы, должно быть, находимся в какой-нибудь пещере без выхода, так как нигде не видно ни луча света.

Вернувшись назад, независимо, больше кутались, уне недья, мы достаточно вчера намокли. Значит, нам нужно повернуться спиной к озеру. Идем.

Они сделали несколько шагов, ввязались за руки, и пришли опять к воде, наконец в ней несли.

— Не надо нам больше тебя, старуха, — сказал Жан, смеясь. — Спасибо, я удалюсь. Мы с тобой прощаемся.

— Но не до равностного свиданья, — добавил Мариус.

Повнувшись, они смело двинулись в темноте в пространство, растянувшееся перед ними. Где кончалась эта стена? Больше получаса шли они так, правая, тихо, как ходят в потемках, но все-же двигались и не вияя конца этой ходьбы. Они все-же надевались.

— Будь проклят Барбелло, — говорил Мариус.

— Если бы этот мерзавец не отошел к праотцам мою очередь со спичками, мы могли бы хоть что-нибудь видеть.

— Это, — ответил Жан, — я чувствую, что моя голова кокнулась как будто ветки. Может быть, эти растения свисают со свода. Кажется, мы приходим к концу.

— Скоро, действительно, они коснулись какой-то стены, покрытой чем-то шероховатым с заостренными и более твердой, как сыпала.

— Внимание, — промолвил Мариус. — Надо ее исследовать оцуюю. К чему нибудь придем. Если полчася холкомы. Они шли скорее: стемь служили им проволочником и опорой. Жан шел впереди и еще более горюлосил, как вдруг он выкрикнул:

— Чорт бы азал эту стену. Мы опять пришли к озеру. Забавно.

— Повернем, — предложил Мариус и пойдом по той же системе. По крайней мере, мы обойдем кругом нашу горькую и поимем руку всем стенам.

Еще час путешествия, касаясь пальцами стены, неуверенным шагом, с глазами, широко открытыми в потемки, с надеждой и тревосой в сердце. Найдут ли они шель.

Опять они пришли к воде. Они обшлш всею окруженности, которую образовало углубление тана, ственного грота. Перед ними тямела вода, с бльшой сходной пропастью, откуда шло течение и куда, следовательно, нельзя было плыть, так как оплет угрозил водоворот.

Сяди них ночь, торма, голодная смерть без всякой надежды на получение помощи. Что выбрать. Они сели в отчаянии. Даме есть у них не хватило мужества. У обонь мелкнула мысль: надо лишь себя винить.

Какая участь. Им, ровнившимся на светлой воздухе Парнака, выросшим на солнце, на свежем воздухе, надо было кончать жизнь в этой тьме, задохнувшись в этом мраке, быть живямо погребенными в этом склепе.

ГРальнае вырвалось из груди Мариуса; он бросился на шею Жану.

Но это была одна минута упала душа и он опять начал смеяться, говоря:

— Ну что же ты хочешь.

— Я хочу... Я хочу кончить сейчас, чорт возьми, — ответил Жан.

— Правда, не говори только этого таким восторженным тоном. Я тоже хочу покончить, но что это было поскорей, не так ли? В два счета и три движения. Но это еще не причина, чтобы приходить в уныние. К чему это валитесь слезами, или же водить громовым голосом, как тремблэ. Какого чорта. Мы рождены жванерадостными, жили весело и умерли со смехом. А я еще нахожу, что у нас есть преимущество.

— Преимущество?

— Ну, да; мы могли быть с ослем. Подкарены на вертеле.

— Так что же. Не веселее лечь здесь в пеще.

— Что ты. Я предлагаю тебе, вставь, у каждого свой вилку... А, в конце концов, на вертеле или в пеще, не все ли равно. Нужно закрыть глаза только, вот и все. А сейчас мне утешить свободу. Ну! Мы свободны! Да здравствует свобода!

Несмотря на эти приливы веселости, все же долгое время они сидели молча.

Вдруг страшный шум потрясло свода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Где говорится о вулканических и коралловых островах и о некоторых религиозных обрядах.

Остров Новая Каледония представляет любопытное явление, что он в одно время коралловый и вулканический остров. Бывает, что на толще земной коры, выходящий вулканизм, основываясь совместно надкоралловый. В этом случае коралловый риф, который поднимался по уровню воды, поднимается вверх в виде холма и образует скалы, каменные горы. Отсюда такое явление: местами, в подвешенной от вулканического извержения горе, образовались внутренние обвалы, обрушения мягких частей, которые оставляют на поверхности только твердые части земли, что в коралловых островах, калякя от моря, порождают коралловые гроты. В некоторых из них свет совершенно не проникает; они открыты только для волных потоков, которые текут и извергаются в пропасть в полной темноте, или же для подземных холмов, которые заканчиваются у них после многочисленных холмов и изгибов.

В подобном гроте и очутились Жан и Мариус. Они только не могли, сгущая стену, найти какую-нибудь щель, так как единственный выход из грота не был на уровне с почвой. Это было большое отверстие в глыбе стены, вышлой фута в 15 от основания грота. Для тех, кто мог на него выйти в темный грот, оно представлялось как бы ртом, открытым в пустое пространство.

Это отверстие было для шкарей входом в храм. Таинственный грот со своим мрачным озвон в их суверенном воображении представлял страшное и священное местопребывание предков. Ежегодно жерцы и начальники племени приходили сюда

1) Марпероны — кораллы особого вида.

Жан и Мариус тихонько подошли и стали за скалой.

Очерки Д. Петровского,
Иллюстр. А. Резникова,
(Окончание).

Дроздовский бой.

В ДРОЗДОВИЦЕ в эту ночь произошло многое. После моего отъезда сформирован был батальон: три роты были брошены в улицы села, с которых можно было ожидать нападения.

Делегаты, посланные к немцам, все еще не было. Происходило оборудование хозяйства. Из окрестных сел везли добровольно пожертвованную провизию для партизан. Привел кто-то даже целого быка. Село представляло подобие «сичегово куреня». Горели костры. Здесь смолочили кабаны, там в большом немецком котле-кухне, которую где-то «свистнули» разведчики, варился обед.

Группы живописно сидели, стояли и ходили по огромной площади, хвастались бедным оружием. Оставшиеся на месте комитетчики распределяли между собой штабные и командные роли. Уже давно горели одни заводы, месяц сидел за лесом и только его зарево резко чертило острый силуэт краснелеса.

В пустом срубе у гроби, на выезде из села, в направлении к Горядке сидела застава из трех человек.

Вдруг, один порывисто встал и прислушался.

Слышно было, как на обледеневший звонкий мост ступали кованые копыта и шуршали по снегу полозья санок. Скоро меж посылками замелькали высокие тени конных. Их было человек 15 и они тянулись гусем. Только двое передних ехали рядом. Между ними и остальными двигались санки и на санках три фигуры и что-то покрыто розежкой.

— Пулемет, — шепнул одним концами губ Михайло.

Санки с пулеметом остановились, чуть-чуть проехав сруб. Пулемет стащили, устанавливали и возились с замком. Вода в трубке замерзала: пулемет никуда не годился. Один из офицеров ругался.

— Пыльничали спирт, сволочи. Грей. Они спешились и дали коней под «ехавшему коноводу. Остальные с'ехали с насыпи моста и стояли под прикрытием деревьев на конях.

Вдруг, два офицера полошили прямо к окну, на котором лежал ствол Михайловой винтовки.

— Без пулемета нечего и думать, — говорит один.

— Надо прорваться к пуку, — говорил другой, — и захватить шенят.

— Это не так просто.

— Готово, — негромко крикнул пулеметчик.

Офицеры двинулись с места и, когда они зашли один за другого, Михайло прицелился, рассчитывая пробить разом две головы и спустить курок.

Осенка...
— Но замком шелкнул. Офицеры, минуту ошеломленные, стояли с разинутыми ртами и потом бросились к срубам. Из сруба разом грянули трое. Офицеры легли. Но силы были неравны. Трое сидевших в срубе выскочили и, отбегав немного, легли в ров.

В селе отозвался дозор. Выстрелы слышались в полуверсте.

— Навели на дорогу Пускай, — командовал офицер и отбегал к коню. Пулемет прострелил четверть ленты и смोक. А выстрелы из села слышались все чаще и чаще, но только с одной стороны, по которой стрелял пулемет.

Трое выползли из рва и бросились в сад, из сада по огородам к селу. Дозор рысью густо бежал по дороге вперед под обстрел пулемета.

— Сверши с дороги, пулемет бьет по вас. Ложишь, — кричала из заставы. Человек 30 перескочило через плетень по обе стороны и перебежали, то ложась, то вставая.

Петро ощутил боль в щеке. Тронул — кровь.

Потом оказалось, что щеку просто расцарапал колючим буйком. Раненых не было ни с той, ни с другой стороны.

Гайдамаки, увидев, что пулемет не берет и что Дроздовича не слит, галопом отступили.

И еще долго им вслед летели дорожки партизанские патроны.

Но эта пустая стрельба сослужила свою службу.

Гайдамаки, преследуемые выстрелами в тыл, просканили, не останавливаясь, мимо санок, на которых ехали из города «немецкие делегаты партизан» — Захарий Колбаса и Иван Левкович.

— Как же так вы ехали прямо на бой — ведь выстрелы были слышны, — спрашивали потом приехавших.

— А мы думали с тылу их взять, тут они неожиданно на нас и налетели. Я едва успел винтовку спрятать. Как они ее не заметили, — удивлялся Колбаса.

Делегация добилась великолепных результатов: немцы, выслушав их, подписали договор о нейтралитете, но, когда был предъявлен мандат, выданный Краевым Комитетом и оказалось, что это коммунистическая организация, — немцы стали в тулук. Немецкий Совет совещался полчаса и договор все-таки подписали, а каждому делегату дан был особый пропуск для беспрепятственного въезда и выезда из Городицы для дипломатических целей.

Штаб торжествовал. Но, сообщали «делегаты», — город кишмя кишит офицерами. Откуда только се набралось? «Делегаты» нарочно сидели в чайной и слушали их разговоры. И все про нас: с Петлюрой мы, дескать, поладим, а этих выродков надо передуть, иначе не сделается «порядка».

О нашем количестве у них самые противоречивые сведения. Одни говорят, что нас 20—30, другие, что тысячи и даже 2 тысячи.

Нам выгодно было последнее предположение и делегаты способствовали его распространению.

В это время спал я на квартире доктора Полторацкого снам дятлы и видел радужные сны о нашей победе.

В 8 часов утра я выпрыгнул с постели и, наскоро умывшись и выпив чаю, был уже на станции, чтобы встретить казаков.

На станции появляется командант Терехович.

— Добродню, Петровский, идти сюда, — отзывает он меня куда-то на бревно для шпала. «Добродню! Вчеря я был ему, «пшатаман», а сегодня уже что-то «лордолю» — дело плохо, подумал я.

— В чем дело?

Оказывается, что во вчерашнем паровозе, в который я чуть не попал по ошибке в Бахмаче, ехал сам генерал Иванов с донесением к атаману Палию обо мне. Он вез несколько картонек моих и объявление, развешиваемое по линии, — о божавшем из Черниговской тюрьмы бандите-матросе Петровском, поднявшем где-то повстанье бандитских швек...

С этой картонкой и слитил меня командант Бахмача, тогда я снял свитку и остался в той же форме, что и в тюрьме, где меня снимали, как преступника. Он сообщил об этом по телефону Палию, который все-таки не захотел меня задерживать и окорбятить впрелю по выяснения.

Генерал, встречный мною на пероне станции Бахмача, и был, оказывается, самый главный наш враг, каратель Иванов, с которым нам так надо было снести счеты.

— Казаків не ждти! — говорил Терехович, — их вам буде. Атаман Городяничини і Соснищани — генерал Иванов. Я зарав на втікача 1); тут загинеш 2) не за собаку.

Я оставил Тереховича и пошел на станцию.

Подхожу к аппарату. Возле него — мой школьный товарищ, с которым я не виделся лет 15. Он узнал меня, я его тоже, но сейчас не до того.

— Прямой провод Конотоп. Дайте атаману Палия, Петровский.

— Что угодно?

— Палия.

— Я за него.

— Коли будут казаки мені?

— Вы знаете атамана Иванова?

— Якого?

Генерала Иванова — ви учера у ночі призначений штабом ліберального війська атаманом Соснищани і Городяничини вам пропанується 3) зарав явитися и знати мандат пшатамана и все ише 4).

1) Дам леру.

2) Проманешся.

3) Приказується.

4) Проче.

— Це провокація і ерунда. Цього не буде.

— Е.

Я прекараю разговор. Мой товарищ читает мне ленту Ingram, трещание аппаратов огнсти заглушает его. Но все-же кучка офицеров толпится у двери и ест меня глазами.

— Пори ленту,—говорю я тихо и ухожу со станицы.

В плен один молодой рабочий тотчас же поменялся со мной одеждой, и я в пальто и фуражке железнодорожника отправился к Полторацкому.

— Батко: так и так. Исход для вас, как и для меня — один. Все равно вы уже замешаны в эту историю, не бежать же вам. Идите и скажите Палию по проводу, что если он будет опираться в революционной борьбе на контр-революционеров, он проиграет игру: массы за ним не пойдут, пусть присылает мне казаков и идет на Киев; Чернигов мы возьмем сами.

— Да тут от шо,—говорит побледневший доктор,—сейчас боль у меня пациенты: говорят, что Дроздовича разбит и сожжена егодня в 11 часов утра.

— Ну? Кто говорит?

У меня ноги подкосились.

— Будто боль и немцы — ваш брат убит тоже, говорят о том, что убит и Петровский.

— Все равно, поминки справило,—говорю я и чувствую, как мое настроение действует на батку.

Он идет на станцию, а я — к баптистам на конспиративную квартиру. Там мне сообщают те же слухи о Дроздовиче. Эту новость привез пассажирский поезд в 3 часа дня. Из Городици он вышел в 2 часа дня. Бой был в 11 часов утра.

Вечер. Меня зовут к батке. Я снова одеваю свитку и шапку и иду. Сердце бьется. Каковы результаты батковских переговоров? Ах, как хочется быть со всеми своими: с живыми или с мертвыми. Вхожу и по виду батку вижу все: казаки будут ночью.

— Палий опять доверит вам: я ему сообщал вашу биографию в хороших красках.

— О Дроздовиче ничего нового?

— Наоборот, очень много. Дроздовича вымерзла бой, отбили немцев и гайдамаков, взято 3 пулемета.

— У-ра,—не выдерживая я, захлебываясь от восторга.

С утра 6 декабря выла метель. В поле не видно ни зги. Дозору следит счи. Батальон, проделав учебные занятия и выслушав доклад Дорощева, ушел обедать по своим трем концам. Штаб открыл заседание суда над арестованными. Ввели самых тяжелых.

Вдруг залп, другой. Заседание закрыли.

— Товарищи, по местам,—крикнул Кулеш.

Спокойно вышли и спокойной походкой бросились по трем направлениям к трем ротам по человеку. Костя, как не боевик, остался один сидеть в зале суда.

По дороге слева замелькали черные точки конных. Дозор дал два залпа с паузой. Тревога.

Немцы (а это были они) установили на мосту пулемет, трое снаок с пулеметами с'ехали с на-

сыли и пробрались сквозь дзьявольский вихрь метели к мельнице.

Немцы рассчитали правильно: с мельничного пригорка они могли обстрелять с фланга центральную дорогу (шлях). Это они знали по своим картам. Но все же прогадали: за выюгой они не заметили главные силы партизан, которые решили пустить неприятеля вглубь улицы, и, задержав их унарядной пробкой, наперекресте устроить по ним с фланга с тыла.

Немцы не успели пустить и пол-ленты, как моткая пуля прекрасного стрелка Шобика свалила с начала одного, потом другого пулеметчика.

Так было с центральной лобовой группой неприятеля, но он сделал еще попытку зайти с двух сторон и ударить с тыла.

Небольшая группа конников накинута на группу дезертировавших перелески¹⁾.

И вот: не было бы счастья, да несчастье помогло. Дезертирам ничего не оставалось, как отстреливаться от неожиданных врагов и они отбили конницу.

Учащее всего обошел неприятеля левый фланг, тот самый, который был незаметно прикрыт булвавшей у околицы метелью и откуда свалил свою вылазку на пулемет Евтихий Шобик.

В сущности, большую роль сыграло обстоятельство, что в этом районе жила беднота, скотине шедшая в ряды бойцов и здесь мы встречали самый трогательный прием.

Конвоюем этой группы был Павел Амонович Мануйленко, моряк-балтиец.

Он быстро выгнулся из штаба на своих, несравненных в ходьбе и беге, ногах, и увидев, как располагается неприятель, тотчас же намелит план нападения и отражения.

Евт. Шобик был назначен в вылазку. Антон Кулеш (начальник штаба), с двумя другими стрелками, и до вылазки с Евтихием должен был обстреливать с фланга. Сам он ввел на себя встречу врага в гущу. С двумя другими товарищами он занял мостик своего проулка и, спустившись на лед речени, ждал первых прорвавшихся врагов и время от времени бс промаха бил. Это он снял третьего пулеметчика уже под носом прорвавшего вылазку.

В это время залпы посылались у него за спиной — он оглянулся: два партизана

шли спокойно через мостик. Он было удивился, что они безоружны, и вдруг увидел позади них троих гайдамаков, из которых один в морской офицерской фуражке.

Поднять винтовку было делом секунды.

Офицер, отступивший на два шага, точно целился в него. Два выстрела грянули разом.

Офицер покачнулся и медленно опустился на землю.

Павел почувствовал удар прямо в затылок.

Это его нога, оторванная у самого паха разрывной пулей офицера, развертываясь на остатках непорванных сухожилий и кожи, хлопнула собственной лямкой его в затылок. Он целую минуту все стоя на одной ноге, не понимая, что с ним, и потом только, нечаянно, желая переменить упор ноги и опершись на левое пустое место, рухнул.

Он лежал в огромной луже своей крови, выпустил последние два патрона в те духи, за которыми он не переставал следить.

За углом большого гумна стоял его брат, вооруженный двумя бомбами и кинжалом немецкого музыканта. В него то и целился, повидимому, один из шедших гетманчуков.

— Почему он не бросает бомбы. Неужели он стоит залом и не видит их? — мелькнуло на секунду в голове Павла, он собрал все силы и, крепко нацелясь, выстрелил.

Гайдамак пал на смерть. Брат его был спасен.—Теперь он мог спокойно лечь. Лишь здесь он ощутил весь укол жгучей боли и сознания потери крови. Но он видел, как падал тот третий, взорванный бомбой брат, и как, несколькими минутами раньше, Шобик отбил немецкие пулеметы.

К нему подбежали брат и Антон Кулеш. У брата стояли в глазах слезы.

— Что-же это, браток, твоя нога!

— Оставьте меня, идите в бо! Надо победить.

Павла осторожно уложили в санки.

— Что? Как? —спрашивал он, все еще не потеряв сознания, только страшно возбужденный.

— Победили!

Настала ночь. Штаб, не получая обо мне никаких сведений и ожидая нового нападения врага, уже с большими силами решил отступить к посаду Добрянка. Решение было страшно опрометчивым уже по одному тому, что село бралось, таким образом, на произвол судьбы.

А в это время в городе заседала Городская Дума. Заслушавшись предложение генерала Иванова сечь по тла эту самую, бросаемую партизанами, геройскую Дроздовича, чтобы немцы были потом гордиться славою икнувшего дня.

Голосование отвергло предложение Иванова. Партизаны шли и ехали, вез с собой трофеи-пулеметы глухими красносельем в новый боевой пункт: посад Московские Камешники

¹⁾ Партизаны из села Перепини.

Моткая пуля свалила пулеметчика.

ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ.

Статья В. Плетнева.

Фотографии Т. Суи, сделанные 12 апреля 1912 года.

ГДЕ они произошли? В далеком, диком суровом уголке Сибири.

Раион деятельности «Лензото» являлся, главным образом, Витимская золотоносная система, составляющая часть Олекминского горного округа Якутской области. Прииски Витимской золотоносной системы расположены по системе рек, впадающих в Витим: 1) по р.р. Никиткам, Догадкам и Бодайбо, с притоками Верхний и Нижний Аконак; 2) по р.р. Тохтыге и Энгажимо, в 320 верстах вверх по течению от впадения Витима в Лену. Большинство приисков «Лензото» расположено в районе реки Бодайбо (правый приток р. Витима). Ближайшая станция жел. дор. — Иркутск отдалена от г. Бодайбо расстоянием в 1734 версты. Природа края суровая и неприветливая. На вершинах и в расщелинах гор (гольцох) до конца июня держится снег. Зима чрезвычайно сурова: 40—50° морозов не редкость. Ни о каком земледелии в районе приисков не может быть и речи. Зачастую встречается вечная мерзлота почвы (см. рельефную карту). В этой обстановке природа ревниво оберегает от всепроникающей силы человека огромные запасы золота. Там свило свое гнездо «Лензото».

Что такое «Лензото»?

Ленское павое золотопромышленное товарищество, предшественник «Лензото» было основано в 1861 году, в год освобождения крестьян. В 1862 году часть павов Ленского павоего товарищества переходит в руки барона Гинзбурга и торгового дома Майер и К^о, образовавшего «Ленское золотопромышленное товарищество» (сокращенно «Лензото»). И с этого времени начинается рост этого владетельного тайга.

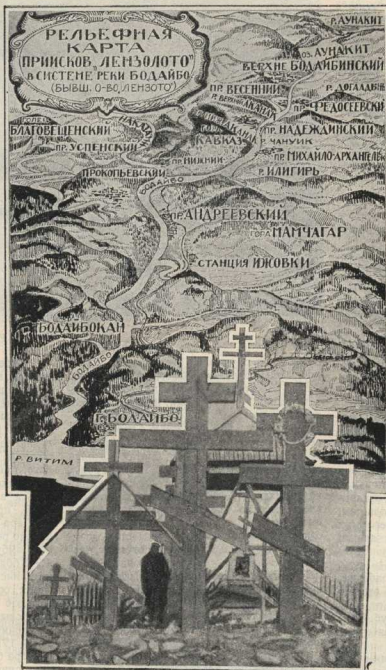
В течение 9—10 лет «Лензото» устраняет в Витимском районе всех конкурентов, в его руках сосредоточивается 423 прииска с 38.642 десятинами земли. Из них 369 приисков с 32.368 десятинами — собственность «Лензото» и только 54 прииска с 6.274 десятинами арендовано им у Государственного банка.

Выполняя план захвата округа, «Лензото» терпит в течение нескольких лет большие убытки, которые, в конце концов, могли бы привести все дело к краху. Но при поддержке Государственного банка, к 1904 году дела его поправляются.

В 1909—10 г.г. доход составил 6.812.925, что составило по сравнению с 1904 г. повышение в 80 раз.

Диктатура «Лензото» в тайге.

В 1911 году «Лензото» сосредоточивает в своих руках все местное «земское» хозяйство. Оно содержало, платило, давало средства и — «властвующий экономически,

Вверху — Карта приисков Б. «Лензото». Внизу — Кресты на братских могилах эсэрт Лены 12 лет назад.

властвует политически» — диктовало всему и всем свою «верховную» волю. «Лензото» оказывало пособие «канам»: 1) на содержание горно-полицейской стражи, доставляя последней помещения с отоплением и освещением и выдавая чинам стражи пищевое и конным чинам фуражное довольствие (это войска «Лензото»); 2) на содержание мест заключения (своя тюрьма); 3) на содержание квартир чинам тюремного управления (свои тюремские); 4) на добачное содержание 2-х мировых судей (свой «беспристрастный» суд); 5) на содержание квартир: двух окружных горных инженеров Витимского и Олекминского округов, двух мировых судей, двух горных исправников (свои высшие власти); 6) на содержание правительственного почтового сообщения с Витимом и г. Бодайбо; 7) на квартирное довольствие чинам поштово-телеграфного ведомства (своя почта); 8) ассигновывало суммы на: содержание и пересылку арестантов, раз'езды должностных лиц, ремонт приискового тракта, содержание Бодайбинской больницы, содержание больниц и приютов на Верхнем, возмещение священникам Бодайбинской и Матинской церквей.

Полиция, суд, тюрьма, церковь, почта — все оказалось в руках «Лензото».

Родиться, жениться, лечиться, умереть, быть похороненным, попасть в тюрьму, быть обсыканным, побитым, осужденным можно было только через «Лензото», только при его посредстве.

Оно с полным правом могло сказать вступающему на почву Витимского района: «жизнь и смерть твоя в моих руках».

Даже Иркутский губернатор, Баянц, писал во время стачки: «Надо убедиться на месте, своими глазами убедиться в специфических условиях жизни данного района, принять во внимание все совершенно исключительные условия, надо думать, — *нигде больше в мире нет существующих законов* (курсив мой, В. П.), чтобы понять, что такое «Лензото» и его власть в районе.

А этот человек видал виды, он пишет о себе: «За девятилетнюю службу предводителем дворянства в Донском бассейне я имел возможность ознакомиться с рабочим вопросом и видел близко не одну забастовку» в 1905—1906 г.г.».

С таким врагом столкнулись наши товарищи в марте — апреле 1912 году.

Что же представляла из себя та сила, которая встала на защиту своих прав?

Условия труда и жизни на приисках «Лензото».

Срок договора со дня выхода на работу истекал для каждого рабочего 10-го сентября. Напомним, что этот срок совпадает с осенней распутицей, прекращением пароходного движения по Витиму и Лене и перерывом до санного пути всякого сообщения.

Срок найма — 1-е сентября (§ 1 договора).

В течение этого срока рабочий обязуется исполнять «всякого рода горные, цеховые и домашние работы на приисках и резиденциях «Ленского товарищества»... ни в каком случае не позволяя себе отказываться от порученной работы»... (§ 2).

Рабочий день устанавливается с 1-го апреля по 1-е октября 11½ час, с 1-го октября по 1-е апреля — 11 часов, первая на обед в эти часы — не входит. Ночная смена не больше 10 часов.

Число рабочих дней в году в «Лензото» на одного рабочего в среднем равно от 310 до 312, вместо 260 по закону 2-го июля 1903 г.

Пункт 12-й гласил:

«На прииски мы должны, маневшись на работу, являться одни, сами свои монеты приводить не

иначе, как получив на то письменное разрешение управления и, в последнем случае, пришедших с нами женщины и подросток, облекая в приобретенную Управлением, являясь на работу, оказываясь от какой-либо причины с нами члены семьи не вправе; в противном случае подлежат удалению с прииска. В случае несоблюдения со стороны мужа (жены или брата) на удаление семьи с прииска по предложению Управления. Управление вправе рассматривать рабочего, как нарушившего контракт. Женщины, назначенные в приислы, получают по тридцать копеек в сутки и готовое содержание, или же по шестидесяти копеек в сутки без содержания, от того лица, у которого будут находиться в услужении; назначенные же на поверхностные горные работы женщинами получают по две трети платы по таксе для рабочих мужчин. Кроме исполнения платных работ, женщины обязаны бесвозмездно мыть полы в помещениях где живут, вообще заботиться о содержании этих помещений в надлежащей чистоте и порядке. Женщины в надобности, обуви, канцелярии не работают, получают не же книжки и выдаются им же правдами, что и остальные рабочие.

В пункте 19-м:

«До окончания срока настоящего договора никто из нас не требует себе расчета, без особо уважительных причин, указанных в ст. 12 прил. к ст. 66 Уст. Гор., не имеет права. Управление же может уволить нас во всякое время по одной из следующих причин: а) за неспособность к работе; б) за явку на работу более трех дней сразу без уважительных причин, в) за леность, г) за дерзость или дурное поведение, д) в случае обнаружения у кого-нибудь из нас заразительной болезни, е) за сборщия толпы, угрожающие порядку и спокойствию и ж) за всякое вообще нарушение с нашей стороны в чем либо настоящего договора».

Договор для предварительного осведомления рабочих не представлялся, в расчетных книжках напечатан не был.

Заработок чернорабочих максимально — 35—45 руб. в месяц, слесари, монтеры, машинисты — 90 р. и выше. Но 60% рабочих имели заработок не более 40 рублей в месяц. Кроме того, «Лензот» широко практиковало расплату талонами на свои магазины и склады. Рабочие, получая вместо денег, в которых контора отказывалась, талоны, променяли их скупщиками, и, конечно, несли на этих операциях убытки. Талоны — это были свои деньги «Лензот». Средний заработок ленского рабочего за год равнялся 515—516 руб.

Из годового заработка всех рабочих, в сумме 3.186.219 руб., «Лензот» отчислило у рабочих в виде чистой прибыли от продажи рабочим продуктов 277.000 руб. 80 к. или почти полных 9% всей их заработной платы.

Задолженность «Лензот» рабочим по цифрам за 1909 г. на 1-е октября достигала крупной суммы, в 350.000 руб., приносивших «Лензот» проценты, что, вырвавшись из лап «Лензот», рабочий мог уезжать только по железной дороге и на пароходах того же «Лензот», оплачивая стоимость проезда по таксе «Лензот», закупать в его же магазинах продукты на дорогу по ценам, им установленным.

Технические условия труда.

Назвать их «каторжными» было бы слишком мало.

Вот как обрисовывают их товарищи рабочие и сенаторская ревизия Манухина: «Лессоспуск нет ни в одной шахте. Лес спускают в балях в каждой шахте. Это очень опасно, особенно, когда спускается тяжелый лес, бывали от того и несчастные случаи. В каждой шахте для спуска рабочих лестница-стременика. Глубина шахт от 18 до 23 саж. Главные штольни освещаются электричеством, но электричества не хватало, особенно зимой. Корридоры освещаются свечами, восмерько-

Шестие рабочих к прокурору на Надеждинский

выми, очень скудно. На лестницах по 2 лампочки электрические на весь спуск, иногда свеча. Выката, по которым приходится ходить тапки, очень плохи, нередко приходится катать по 1 доске, шириной 4—5 верш., большую же частью 4 верш., — нередко приходится падать в канавы, арш. до 1 1/2 глубиною. На бортах штолен наваливалось много камней, целые груды, вышьюлю более 3 аршин. От сотрясения камни падают и убивают рабочих. Провода электрические всегда открыты. Спуск с инструментом в руках. Непромокаемые сапог не давали, были свои и за них покупались. Обещали по новому договору платить за сапоги по 18 коп. в день. Непромокаемые кожаные, шаровар и шпал было очень мало, причем нерваных шаровар почти не было, тоже и шляп, а между тем вода бьет с боков и сверху, сильная вода всегда бьвет сверху. На № 48 в шахте не было даже и кожаного.

При шахтах сушилок нет.

При смежной работе новые рабочие надевали мокрые кожаные оработавших рабочих.

Постоянно своя одежда — всегда была мокрой. Зимой в мокрой одежде приходилось 3 1/2 версты до Александрия, 1 1/2 версты до Загальдына и т. д. идти пешком.

Вентиляции в шахтах нет.

Инструменты свои, за исключением кайл и лопат.

Динамит хозяйский, но плохой, бьетел много дьму и дьвоного газу. Угар не считается за препятствия к работе. Если угорешный не выхлдит после обеда на работу, день признается прогулом.

«Мокрый забой» признается забой с приливом воды, обложкой рабочего сверху и с боков выше колена».

«Внутри шахты, т.-е. место работ, освещалось электричеством, но провода были голые и очень часто рабочие, случайно во время работы прикаснувшись к проводам, получали увечья: намочнет шляпа — прикаснешься, ударит в голову — и сорвешься».

Особенно трудно было работать в мокрых забоях: сапог и кожаных шаровар рабочим в мокрых забоях не выдавали; также не было; вместо кожаных выдавали брезента, да и то не всегда и не всем.

При шахтах нет раздевалки, так что в зимнее время при мокрых работах рабочие в мокрой одежде идут при 40° морозе, причем вся одежда облебеневает, так что приходится часа полтора самому оттаиваться в казарме. В шахте нет кипяченой воды, приходится пить почвенную волю.

Пара цифр укажет на то, какие это давало результаты. На Феодосиевском приiske амбулатория приняла за пять месяцев 4.915 больных при наличии всего населения на приiske 3.370 человек (из них 1.829 рабочих, остальные их жены и дети). В среднем это дает 1.229 посещений в месяц, т.-е. свыше 30% наличного состава всего населения приiske.

В 1911 году по регистрации горного надзора было на 5.442 рабочих 896 несчастных случаев, т.-е. 164,6 на тысячу. Из них 17—смертных, 1—полная неспособность, 24—частичная неспособность к труду, получивших повреждение.

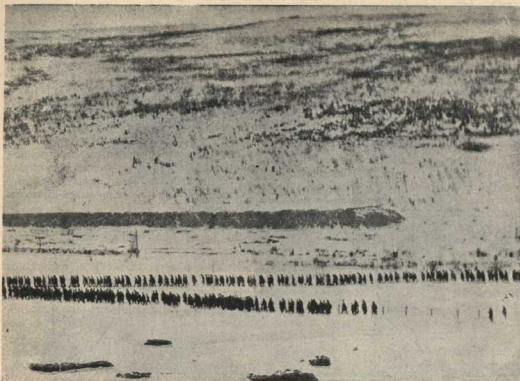
Интересно отметить, что во всех 24-х случаях при определении потери трудоспособности врачами «Лензот», ими было признано 0 потери трудоспособности.

Эти же лица, освидетельствованные другими врачами, Бодяйбинской управы и др., получили определение потери трудоспособности от 15 до 50%, а в одном случае даже 80% при 0 от врачей «Лензот».

Правовое и бытовое положение рабочих «Лензот».

Вот текст заявления рабочих Иркутскому губернатору, которое лучше всего оглашений говорит само за себя:

«Несенный хлеб, но только для нас, рабочих, а служащим по той же причине в той же кухне выдавали селянский хлеб. Картофель и капуста часто были плохого качества, но всегда делились на две части: служащим давали лучшего качества и в том количестве, которое ими требовалось,

приск (за несколько минут до расстрела).

нам же, рабочим, отпускается картофеля не более 20 ф. на месяц и то в редких случаях. Рыба часто была недоброкачественная, но опять делилась на две части: лучшая опять давалась служащим, а худшую опять-таки заставляли брать нас, рабочих. Мясо было не того качества, т.-е. сорта. Мясо выдавалось нам, рабочим, такого-то свойства, как-то: наслики, с вырезанными филеями, болонь, ребра в 1/2 арш. с одной отбуженной кожей, и вообще, вместо мяса, выдавалось только переная часть, как то: головы без языков, внутренности заставляли брать насильственно с такими выражениями: «Раз тебе записали в книжку, то бери, а то пусть валяется, а с тебя все равно вычтут за них».

С ругательства началась работа и ругательство кончалась.

Сыск и шпионство. Доносы шли не только от служащих, но и от рабочих. Доносчикам и шпионам из рабочих давали чин. Их ставили в лучшие заборы.

Всего этого больше, чем достаточно для того, чтобы случилось то, что должно было случиться.

Стачка.

25-го февраля 1912 года одному из рабочих было выдано 10 ф. лентозского «доброкачественного» мяса, среди которого оказался конский половой орган.

Это и послужило первичным поводом к забастовке, и к 3-му марта все приски «Лензото» стали.

Администрация «Лензото» был предъявлен ряд требований, из которых только три были «политических», это — 8 часовой рабочий день, увольнение служащих за грубое обращение с рабочими и повышение заработной платы на 30%, т.-е. повышение ее почти до нормы, установленных Болдыбинской Городской Управой.

И сию же минуту заработала правительственно-капиталистическая машина.

В продолжение трех недель шла ожесточенная телеграфная переписка между Иркутском и столицей.

Наконец, губернатор Бантыш превращается в почтово-телеграфный пункт для непосредственных сношений департамента полиции с Трещенковым, назначенным начальником полиции округа.

29-го Бантыш передает Ленинграду телеграмму Трещенкова.

«Забастовкой рабочих руководит стачечный комитет, во главе которого стоит осмысленно-поселенiecе Сензено. На присках развязают агитаторы, поддерживающие забастовку. Были конкретные случаи насильственного снятия рабочих забастовщиками под угрозой избиения».

Вз это для департамента полиции было настоящее дело.

«Есть основание предполагать, что с арестом забастовка будет сорвана».

И 30-го директор департамента полиции Болдыбин телеграфирует Бантышу в совершенно категорических тонах:

«Предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет».

План дальнейшего был совершенно ясен и Трещенкову оставалось лишь выполнить его с достойной жандарма и опричника чстью.

Еще 5 марта, Киренский уездный воинский начальник отправляет в Болдыбю воинскую команду в 75 человек.

И в тот же день было вывешено об'явление, поставившее стачку на мертвую точку. Оно гласило:

«Главное Промышленное Управление об'являет всем рабочим «Лензото» Зол. Т-ва», самовольно прекратившим работу, что Управление из дальнейших переговоров с забастовавшими рабочими отказывается, считает, что со стороны рабочих нарушены условия найма, и об'являет, что всем рабочим, не явившимся на работу 8-го марта в установленное время, предлагается явиться в наделенные комитры за получением причитающихся им денег и документов. Не явившиеся за расчетом, из числа тех, которые не вышли на работу 8-го марта, с 12-го числа 12 ч. дня 10-го марта будет произведен через г. горных исправников, которых и будут посланы деньги и документы. И. Об. Главноупр. промислами, горный инженер Теплян».

И в это же время:

Жандарм Познанский, начальник жандармского иркутского управления в своей телеграмме от 31 марта говорит: «Приобрел

агентуру, заявление которой (провокааторов-осведомителей): значительное количество рабочих при желании не могут стать работать, боясь насилия комитета».

Губернатор Бантыш, войдя во вкус дела, со своей стороны, подстегивает рвение Трещенкова: «в случае арестования, действуйте без шума... «В случае нарушения мирного хода забастовки, подавайте всеми мерами, до воинской силы исключительно».

Прокурор Преображенский об'являет рабочим, что он не будет принимать коллективных заявлений рабочих и предлагает это делать каждому от себя, яено провозгласил рабочим на заседании их массы к нему.

Все, что нужно, было готово и занесенная над рабочим рука опустилась.

4-е апреля.

Не будем рассказывать о них своими словами. О них ярко говорят документы. Вот описание картины расстрела по словам очевидца, выбранного Д. С.:

«Все согласались пойти к товарищу прокурора с жалобой на все общи и с просьбой увеличить женатым паек и на словах хотели выяснит об арестованных». «Сознательные записки к товарищу прокурора у многих были. Я шел в первом ряду. Когда мы шли около отвала (справа дороги), офицер скомандовал и сыграл сбор. Шли мы медленно в роле «разгулки», вижу — по полюту быстро идет Тульчинский. Повернул по Надеждинской дороге к нам, встретил нас у перекрестка. В это время, после сигнала, из народного дома высочили солдаты и заняли линию от входа в народный дом до полюты. Мы стояли с Тульчинским против второго забора по Надеждинской дороге за канавой. Наш округ народ. Тульчинский поздоровался и спросил: «Скажите, братья, куда вы идете?». Я отвечаю: «Идем к товарищу прокурора с жалобой на обиды Ленского т-ва и полиции. Только мы хотим, Константин Николаевич, сойтись с феодеосиевскими, чтобы вместе идти, а дорога перегорожена. А зачем это солдаты? Стрелять будут?». «Нет, братья, стрелять не будут, — только к солдатам не ходите». Я и говорю: «Мы этого и не думаем, а так как нет прохода, мы и один к товарищу прокурора пойдем». «Нет, не ходите к солдатам, а вот идите тут, через механическую к Феодеосиевскому». Я а говорю: «Нет, пусть в нас не стреляют, мы по этому свертку пойдем прямо к товарищу прокурора». Тут он спрашивает: «Зачем вы к товарищу прокурора идете, с какой просьбой?». Я говорю: «Мы не можем без этого свертка, ведь, вы сами с нами отказались переговоров вести, ведь, вы от этих слов не откажетесь?». «Я хочу знать, братья, вашу просьбу». Мы ему тогда рассказали. Он нам ответил: «Я сейчас был на Феодеосиевском приске, рабочие согласились там на мое предложение, что я им к 9 часам завтра представлю на глаза арестованных». — «Почему же завтра, а не сегодня; мы уже тридцать верст шли — голодные. Мы лучше полождем». — «А, братья, скажите мне, если с вашей стороны погрома и насилия не будет, то я и сегодня представлю». Я говорю: «Помните, как вы у себя говорили, что, как сжали сова, болячис, что здесь беспорядки, а увидев нас, — успокоились: так все спокойной и пьных нет. Зачем же вы теперь так горите?». — «Освободите нам путь к товарищу прокурора — мы тут и пройдем». Вот в этот момент и был залп. Стояли

и они, и мы к солдатам в полуборот. Тульчинский тут закричал: «Что вы делаете?», а я кричу: «Ребята, пойдите». Тульчинский тоже лег и кричит: «Перестаньте стрелять, что вы делаете, варвары?», а сам плачет, левой рукой машет фуражкой. Мы лежали с ним голова с головой, а ноги у него к Надеждинскому, а у меня к Александровскому тракту. Потом он стал на колени, опять махал фуражкой и платком. Я приподнялся, сейчас же пуля в рукав пиджака. Видел, что солдаты стреляли и снова заряжали, перед ними лежали патроны. Как кончилась стрельба, мы вскочили, а кругом, кто полз, кто сидел, кто лежал без движения. Стоя стоял... кричат... «Погибаво, прощайте, братцы». Во время разговора с Тульчинским, кто сидел на таборах, кто на горюльбе, так их тут захватывали пули. Никто специально Тульчинского не охранял, один товарищ полз ему через ноги, и тут его убило. Мне или кому-либо другому он свою фуражку не давал. Вот, когда вскочили, мы хотели у него личную подпись взять, что был с нами, но он не мог писать, взял, что был с нами, и весь трясется, а тут ротистр кричит: «Расхолось, а то опять стрелять буду» — так и бросил. Во время стрельбы три человека за фалды Тульчинского держали (Ф., П., потом я), так как думали, то, если он убежит, нас тогда переколют или перестреляют всех. Кто знает, что у них было на уме. Прямо с места я побежал на Феодосиевский прииск, так как

видно было бегущих оттуда, и мы боялись чтобы они жертву не принесли».

Величайшее историческое преступление свершилось.

События после 4-го апреля в России.

Как же ответили рабочие массы России на залл 110 винтовок в далекой тайге?

Будет очень большой ошибкой представлять себе, что до Ленских событий рабочая масса спала, рабочее движение совершенно замерло.

Это будет неверное представление. Оживление рабочего движения начинается значительно раньше 1912 года.

Экономическая борьба в годы, предшествовавшие Ленским событиям, дает скалу упорного повышения.

Число стачек увеличивается, они охватывают наиболее крупные предприятия и становятся наиболее упорными.

Но это отнюдь не умаляет значения Ленских событий в истории рабочего движения в России.

Самодержавие заявило, что никакого ответа, кроме пули, рабочие массы в ответ на свои требования не получат.

Ответ пролетарских масс был в высокой степени внушительным.

1912 год дает цифру стачечников, равную почти 50% стачечников 1905 г., когда бастовала вся Россия. Причем по данным первые 5 мес. 1912 года почти 10.000 человек, дальше идут Москва, Киев, Одесса, Харь-

ков, Саратов, Люблин, далекие Томск и Архангельск и др. города.

После 1-го мая проходит ряд экономических стачек.

Питер дает с 1-го по 22-е мая 50 стачек с 20.000 участников. «Скорухол» — 5.000 человек, трамвай — 1.000 человек., Северо-Ткацкая-Гула — 1.200.

За этим следует третья волна политических стачек, помимо летней стачки протеста варшавских рабочих против убийства в Кутюмарской каторге рабочего Наркомского.

1912 год завершается четвертой волной политических стачек, начавшихся со стачек протеста против расстрела севастопольских матросов; к этому присоединялись протесты против войны.

После Ленских событий стачечное движение носит ярко выраженный политический характер.

Именно в этом основном историческом значении Ленских событий.

Они дали политический толчок движению, бесповоротно направили его на путь политической борьбы, завершившейся октябрем 1917 года.

Одна из буржуазных газет писала: «Это — небольшие огни, бурлящие под тонким покровом лавы...»

Эти волки обладала хорошим чутьем. Они были правы. История сказала свое слово, что Лена — первая страница великого октября.

Группы жертв расстрела у ледника.

ТАЙНА ЛХАССЫ.

(Продолжение.)

Записки д-ра В.В.Вяляма

Монгомери Мск-Го.ерна.

XIII Секрет обнаружен.

Бурый гриф в северной части Тибета.

СВОБЫШМ трудом перешли мы перевалы.

Я тотчас послал слуг в Лахен купить провизии и строго внушил, что необходимо молчать обо мне и моих планах.

Если бы они исполнили мое распоряжение, течение последующих событий было бы, быть может, иным, но, по их возвращении, я узнал; что сахара не было в Лахене, так как тибетцы вовсе не едят его, и что Сатана встретил здесь старого друга из Пемайянца, которому, взирая с него обещание молчать, он рассказал, кто я, и зачем я иду к тибетским перевалам.

Я пришел в бешенство, узнав это. Я знаю восточное обыкновение держать секреты, и был уверен, что все скоро станет общим достоянием, следовательно, все мои старания, чтобы секрет сохранился в Сиккиме, были тщетны. Через несколько недель власти в Гантсодже узнают о моем отъезде. Я не думал, что они прямо понесут обо мне тибетскому правительству, но полагаю, что тибетские шпионы узнают о моем проходе и без этого осведомления и будут слухить за мной.

Могут добавить, что все это оправдалось. Если был осведомлен, что я иду в Тибет, но я ошибся в предположении своем, что он будет нейтрален в этом деле, ибо он стал принимать активные меры, чтобы помешать моему проходу в Лхассу.

Как бы то ни было, я был так поражен этими новостями, что потерял и сон и аппетит — 34 часа постился и не мог сомкнуть глаз; тотчас же я приказал своим людям двигаться в путь, пока перевали еще не пропущены, новости не распространились и местные власти не пришли производить обследование.

XIV Горная болезнь.

Мы продолжали наш путь по снежному покрову. Наш караван двигался медленно, однако, к 12 часам дня мы уже были в 12 милях за Лахеном и достигли высоты в 12.000 ф. над уровнем моря. Здесь—это

я знаю по опыту — критическая высота в отношении горной болезни. Весьма редко здоровые люди чувствуют приступ горной болезни до этой высоты, но по достижении ее начинают страдать—и дальнейшее продвижение может быть опасным.

Если же, с другой стороны, человек достиг этой высоты, ничего не испытывая, он свободно может идти и до 20.000 футов; лоббистно отметить, что именно на этой высоте Сатана начал жаловаться на головокружение и шум в ушах.

Но это было с ним одним, и, когда я дал ему несколько головок чеснока, он стал чувствовать себя лучше.

Следующие две мили привели нас к Танго, последней деревне в Сиккиме, деревне скорее на карте, чем в действительности.

Через следующие 2 мили мы пришли к мосту, где на $\frac{1}{4}$ мили дорога и все боковые холмы представляли из себя сплошную ледяную покров, по которому сначала нам казалось невозможным пройти. Животным было еще труднее, они скользя и падали на каждом шагу. Наши веди получили серьезные повреждения от их неоднократных падений.

Слуги совершенно потеряли головы и бегали с криком около падающих животных. Двое из них, Сатана и Латен, кроме того, увеличивали тревогу своим воплем. В конце концов, я восстановил порядок, мы начали посыпать лед песком и делать на нем вырубку нашими ножами, при помощи которых мы третьего дня пробивались через заросли. Кое как наш караван прошел, но один этот перевал взял у нас более часа, и мы столь утомилась, что тотчас же сделали остановку.

В то же время Гянтце, пони Латена, стал показывать признаки крайнего истощения. Бедное животное прислонилось к дереву и отказалось двигаться дальше, не ело и не пило. В таких случаях сиккимцы всегда прибегают к чаю и спирту; мы сварили крепкого чая и прибавили туда спирта, который Латен купил в Лахене. С большим трудом мы ели перья смеси в горло

животного. Животное сопротивлялось и, в конце концов, разбило бутылку, из которой мы его поили. Времено пони почувствовал себя лучше, но было ясно, что он долго не выдержит.

За это время мы так утомились, что нам было тяжело разбить лагерь. Мы решили спать под открытым небом.

Ужас охватил меня, когда, проснувшись, через 2 часа, я увидел, что идет сильный снег. Ничего нельзя было сделать, утешал себя, что это снег из облака, скоро перестанет и не является еще началом серьезной снежной бури, но я скоро убедился, что жестоко ошибался.

Снег стал валить все сильнее и сильнее; я испытывал, однако, приятное чувство, ибо было страшно холодно и снежинки покрываются теплым одеялом. Поэтому я и не подумал укрываться под дерево и, только для того, чтобы дать к себе доступ воздуху, я пропел над головой отверстие при помощи моих возжей. Слуги спали всю ночь, но рано утром (22 января) они проснулись и, увидев снег, начали в отчаянии кричать, думая, что все пропало. Их крик усилился, когда они обнаружили, что нигде нет снега; дело в том, что надо мною было на 3 фута снега и меня вовсе не было видно; слуги были уверены, что я погиб. Я им закричал, а затем голова моя высунулась из-за снега. Это им показалось очень удивительным и смешным, и большая часть их страха прошла.

XV Граница Тибета достигнута.

Наш путь продолжался с большими трудностями. Часто, теряя дорогу, местами мы проваливались по гряду; затем нам надо было проватывать корову для животных, так как иначе они не могли сделать и одного шага. К счастью, даже заблудший пони чувствовал себя относительно хорошо. Когда, через два часа пути, мы подошли к другой группе пастушеских хижин, мы выжили совершенно из сил, и мне нетрудно было убедить моих слуг—не идти дальше. Наш переход в ближайший день (24 января) был также короток. Пройдя около мили, я остановился: настолько было трудно идти

далее. Здесь мы нашли еще группу жин; внутренние мне не хотелось возвращаться в Лахэн.

Был великолепный день. Солнце сияло и грело, и снег во многих местах начал таять. Вдруг неожиданный поворот дороги обнаружил небольшую площадку на вершине холма, почти лишенную снега. Здесь животные могли найти немного грубой зимней травы, так что вопрос о пище для нас был временно разрешен; наши собственные запасы пищи быстро таяли, но мы все же имели достаточно на несколько дней; поэтому я решил устроить здесь зимнюю квартиру и немного пожить, не удавшись ли перейти перевал. При неудаче мне пришлось бы вернуться в Сикким и ждать еще не менее 2 месяцев для возобновления новой попытки войти в Тибет; поэтому я решил: теперь или никогда, — хотя бы мне пришлось рисковать жизнью. С 24 по 26-е января мы простояли на одном и том же месте.

Все это время я отпыхал и устранивал маленькие развлечения для слуг; иначе их слабый дух упал бы во время этого вынужденного безделья.

26 января я решил двинуться снова в путь. Снег уже расстаял в этой части долины. На такой высоте, как наша, когда воздух разрежен, солнечные лучи в течение дня имеют страшную силу, хотя ночью и холодно; под такими лучами снег быстро тает и уменьшается. И мне казалось, что мы можем попытаться пройти. Вопрос о пище был так остер, что мы не могли дольше оставаться.

Как только мы проснулись, я стал убеждать слуг следовать за мной. Благодаря позднему вставанию, мы сделали лишь 4 мили. Это привело нас к избе, где мы скрывались во время первой снежной бури. Вскоре после прибытия мы услышали рев снежного леопарда, который так наугад хватал животных, что Диогену пришлось спать с ними в качестве сторожа.

Следующий день был самым страшным днем, какой только я провел. Я по сих пор еще с дрожью в сердце вспоминаю об этом нечестном дне.

Мы нашли, что в этой части долины,

как более укрытой, снег не столь быстро тает, и по большей части дорог лежит не менее, как на 4—5 футов. Чем выше мы поднимались, тем глубже топили в снегу. Вскоре долина стала суживаться в узкую щель; здесь снега было навалено еще больше.

Мое нездоровье усилилось; меня схватило во-во, я боялся обнаружить мое заболевание перед слугами и отсталал идя вперед, сам же едва плелся зади. Пройдя 50—60 шагов, я захляпал, палал в снег и должен был останавливаться, чтобы передохнуть несколько минут. К солнечному восходу я догнал караван и мы прошли еще 2 часа, не зная, где мы, ибо дорога нами была потеряна и мы руководились лишь общим контуром долины. Часто нам казалось, что мы находимся на верном пути, как вдруг наш передовой проваливался, попавши в какую-либо канаву; мы всячески возбуждали себя, но к 8½ мы были еще далеко от места назначения, — плато Ситанга. За день мы прошли не больше 7—8 миль, но это заняло не менее 14 часов.

Мы окончательно потеряли дорогу и брели по целному снегу. Было темно, несмотря на луну. Вдруг снова началось сильный снег. Я ничем не реагировал на это, но Латен начал пронзительно вопить. Затем этот вопль перешел в истерическое рыдание, которого ничем нельзя было остановить. Так как дальше было нельзя двигаться, я оглянулся, нет ли где убежища. Вдруг мы увидели около русла реки скалу, с которой ветер дул север, тут мы и залунали разбить палатку, так как спать под открытым небом при таком снеге и поднимающейся буре было опасно.

XVI Ночная буря.

Полотнища нашей палатки держались лишь при помощи сороклетних ящиков, потому что в скалу не было никакой возможности забить колышки; в палатку мы все залезли, хотя она была лишь для одного человека, много для двух. Из животных утпопали место в снегу под скалою.

Для них мы ничего больше не могли сделать, и очень боялся, как бы они не замерзли за ночь. Счастливым обстоятельством для наших запасов пищи было то, что мы настолько измучились, что не чувствовали вовсе голода и удовлетворялись маленьким куском мяса. Его мы с'ели сырым, на тибетский манер, так как нельзя было развести огня. Через час ветер стал так силен, какой только может быть в тибетских проходах. Скоро палатку сбило на нас и мы лежали под нею друг на друге, а полотнище хлестало нас.

Скоро пошел град. Наконец, всю палатку сорвало одним страшным порывом ветра. Сатана вдруг вспомнил, что он был раньше священником, начал звизгать ко всем тибетским святым, особенно к некоему Падма-Самбата, жившему около 1000 лет тому назад. Он кричал, и казалось в том, что пошел со мною и просил за это прощения. Около 3 часов утра ветер стих и только тогда мы могли немного заснуть.

XVII Странный проводник.

Когда рассвело, я обнаружил любопытное явление. Наш друг, — снежный леопард, — так перепугавший наших животных, — обходил нас утром кругом, и, по-видимому, направился к перевалу, по крайней мере, туда вели следы его лап; была известная правильность в направлении его

следов, и мне пришло в голову, что он шел по дороге.

Дальнейшее исследование показало, что это предположение было правильным. Следы за следами леопарда, мы сласли еще от траты времени на поиски дороги. Для меня до сих пор представляется чудом, как это леопард мог узнать дорогу, на 4—5 футов заваленную снегом, — вероятно, нравоучаствуясь каким-то чутьем. Слуги считали эти следы благоприятным предзнаменованием, известным вмешательством Будды, который услышал их молитву; я им не возражал.

Через четыре часа пути произошло еще одно счастливое событие: долина становилась все уже и уже. Утсы с обеих сторон сходились и нависали, и мы шли как будто какой-то трубой. В тот самый момент, когда снег стал особенно глубок и дальнейшее приближение казалось невозможным, долина дороги вдруг развилась, и мы попали в совершенно новую местность. Как будто кто-то махнул волшебной палочкой, настолько сразу все чудесным образом изменилось. Ни одного дерева, ни одного кустика. Вместо глубоких сугробов небольшой пыли снега и тут и там большое пространство совершенно обнаруженной земли, земли бесплодной и каменистой, свойственной Тибету; через две—три мили долина еще развилась в право и в лево, и перешла в широкое плато, с севера и юга окруженное громадными снеговыми горами.

Технически мы были еще в Сиккиме. Но географически и геологически это уже был настоящий Тибет, и резкое уменьшение снега было первым признаком; индусская сторона Гималаев залывается дождем в течение лета и снегом зимою.

Воспрянув духом, мы продолжили нашу дорогу и расположились на ночлег под ледником.

Еще пара дней и в полдень мы достигли перевала в 18.000 фут. над уровнем моря, и могли кричать с радостью: Ла-Гьяль Ла! — победа, победа! Туземцы боялись заночевать на вершине перевала, но теперь уже у них не было выбора. Животные не могли двигаться дальше, так что волей-неволей мы разбили наш лагерь здесь же.

(До следующего номера).

Тибетское приветствие: начало

Тибетское приветствие: конец.

ПРИРОДА И КУЛЬТУРА.

Беседа Я. М. Гольдбергера.

РЕБЯТА, не расходитесь, пришел лектор по мироведению, сейчас состоится лекция, идите в помещене ком'чейны.

Большинство рабочих с радостными возгласами направилось на лекцию, но некоторые выразили неудовольствие:

— Мироведение, а зачем нам нужно это мироведение, ну, там политграмоту — это еще так, а мироведение, зачем нам это знать?

Лектор услышал эти недовольные возгласы и предложил рассказать, зачем надо каждому человеку знать мироведение и что это за наука.

— Скажите, товарищи, — начал он, — представляет ли себе муравей, который ползет в саду, тот клочек земли этого сада точно таким же маленьким, каким этот клочек земли кажется нам? Или же этот муравью кажется, если только он может мыслить и представлять себе, этот сад и этот клочек земли огромный, большим и даже целым миром?

— Ясное дело, — был хоровой ответ, — муравей, должен же думать, что сад и даже его клочек земли в этом саду — необычное царство, а, может быть, и весь мир.

— Вот, товарищи, и вы все, не знающие мироведения, не знающие той земли, на которой вы живете, — похожи на таких муравьев. Для того же, чтобы из муравьев превратиться в культурных людей, надо познать окружающий нас мир, а познать его можно через науку — мироведение. Вот, например, какой кажется вам наша земля? Большая она или маленькая?

— Ну, конечно, большая, — начал один из рабочих — вот я сам из Сибири, а сколько дней я ехал из Сибири, пока добрался до Одессы, а это, ведь, — только часть земли; так что посчитай, какая будет вся земля!

— А вот наука доказывает, — ответил лектор, — земля в сравнении с другими планетами, звездами и с бесчисленными светилами совсем маленькая; есть также небесные светила, которые в 4—5 раз больше нашей земли, а солнце в 1.300.000 раз больше нашей земли.

Наступило небольшое молчание, которое прервал лектор:

— Но это еще не все, а вот, скажите мне, товарищи, слышали ли вы, что в старину люди поклонялись небесным светилам: солнцу, луне, звездам и говорили, что это боги?

— Как же, нам читали лекции...

— Так вот: в древности человек говорил, что солнце, луна и другие небесные светила — это боги. Скажите же, товарищи, почему теперь никто из нас не станет поклоняться ни луне, ни солнцу и т. п.?

— Мы перестали считать солнце и луну богами потому, — начал один из рабочих, — что теперь через медные трубы со стеклами, если взглянуть на луну, положим, то увидишь там все ясное: и горы и все прочее. Значит, когда мы видим, что это за штука такая луна, то как же мы верить можем, что это бог. Вероятно, люди верили потому, что труб-то у них не было.

— Верно, товарищи, сухая правда, только вот запомните: труба медная, о которой вы говорили, называется телескопом. Теперь еще пример в

доказательство истинности ваших рассуждений. Я вас спрошу, что у меня сейчас находится в кармане? Вы ответите: откуда мы можем знать, что у вас в кармане, разве ваш карман прозрачен. Тогда я вам скажу, что у меня в кармане табакерка, круглая, желтого цвета, из жести и т. д. и т. д. Вы, не видя этой табакерки, *верите* мне на-слово, зная, что я вас не стану обманывать; вы *верите* мне по той причине, что привыкли верить учителю, но, *ходя и выходя из кармана эту табакерку*, вы ее своими глазами видите, вы тогда будете *знать*, что у меня в кармане табакерка и *верить* вам уже больше не надо.

— Теперь скажите, товарищи, — пропел лектор, — нет ли сейчас таких людей, которые говорят, что если падает звезда — значит — человек умирает.

Звонкий хохот прервал лектора.

Вверху: сравнительная величина Земли, Солнца, Луны и планет солнечной системы; белый кружок — Солнце, желтая в центре — Земля; если нашу Землю поместить в центре Солнца, то и Луна, отстоящая от Земли на 380.000 км, поместится бы в Солнце.
Внизу: один из самых больших телескопов в обсерватории Йеркса в Америке.

Лектор продолжал:

— Когда такой суеверный человек видит падающую звезду, то, желая себя предохранить от смерти, которая будто бы связана с этой падающей звездой, он говорит: это не моя звезда. Разве теперь нет таких суеверных людей?

— Сколько хочешь, — хором ответили рабочие, — а в особенности наш брат — деревенский; городекой-то уж малобое обтесался, а деревенский...

— То люди, которые не изучали мироведения — полны точно такими же предрассудками, как и люди в старину. Они не могли обрести явлений природы; они не знали, почему гром гремит, молния блещет и т. д. — вот и приспосылали все это богу.

— Илья пророк на колеснице едет — вот тебе и гром, — прервал лектора один молодой рабочий.

— Да, Илья пророк и тому подобная чепуха — это все от неведения природы. А если я вам сам сделаю радугу только не на небе, а здесь на полке; если я вам принесу электрическую машину и сделаю самый настоящий гром и молнию, только не такой сильный, как в природе, то вы не станете говорить, что радугу, гром, молнию и т. п. делает бог. Как только люди стали изучать природу, они увидели, что не только эти явления природы не сделаны богом, но и самого бога нет. Поэтому они перестали *верить*, начали *знать*. Недаром говорят, что, если луна делает шаг вперед, то религия делает такой же шаг назад. Недаром сжигали на кострах людей науки. И надо изучать мироведение, чтобы рассеять мрак суеверия и веру в божества; проверить, что не бог создал мир. Но это еще не все, ради чего нам надо изучать мироведение; самое главное впереди, вы сейчас узнаете, для чего человек должен изучать окружающую его природу.

— Скажите мне, пожалуйста, трудно ли вам раздобыть огонь, ну, хотя бы для того, чтобы развести огонь в плите? — спросил лектор, улыбаясь.

— Какой же труд, когда у меня это делает мой семилетний мальчишка, — сказал один из рабочих, до сих пор все время молчавший.

— А знаете ли вы, товарищи, что давным-давно, когда люди были еще дикарями, им добыть огонь было чрезвычайно трудно. Они брали кусок дерева, ставляли в него палку и вертели последнюю между ладонями обеих рук так, чтобы конец палки терся о доску. Приходилось добывать огонь час и два, а если сырая погода, то три — четыре, пока от трения палки сначала не появлялась теплота, а потом огонь. Вот каким каторжным трудом этим несчастным людям приходилось добывать тот огонь, который сейчас так легко добывается даже семилетним мальчишкой.

Теперь скажите, пожалуйста, что должны были найти ученые люди — химики, чтобы изобрести спички, т. е. чем эти химики покрывают конец спички, которым вы трете о верхнюю стенку коробки для получения огня.

— Серу, — воскликнуло несколько голосов.

— Вот-вот, — подхватил лектор, — а серу откуда ученые достали, знаете ли вы?

— Из земли.

— Значит, товарищи, сру люди добывают из природы.

— Если бы мы не знали природы, то не нашли бы и серы и фосфора, и до сего времени добывали огонь, как те дикари, о которых я вам раньше говорил.

— У меня вопрос, — сказал один молодой рабочий.

— Я не понимаю, причем здесь природа: сера добывается в земле — это понятно, а какое отношение сюда имеет природа. Да и как определить, что такое природа? Понять-то я понимаю; вышел я в поле или в лес там — вот тебе и природа, а определить точно, что такое природа — не могу.

— Вот это хорошо, что вы подняли этот вопрос, но не я вам определю, а прошу кого-либо из присутствующих это сделать.

— Мое мнение такое, — начал медленно один из рабочих, — природа это все, что нас окружает.

— Значит, по вашему мнению выходит, что стена, доска, стол, которые вас окружают — все это природа — так ли это?

— Нет, не так — крикнуло несколько голосов.

— Значит, не все, что нас окружает есть природа?

— Нет, не все! — ответил один молодой парень.

— А почему? — спросил лектор.

— Потому, — ответил молодой парень, — что стол, стену, доску и т. д. сделал человек своими руками, так что это не природа.

— Ну, а природа? — доискивался лектор.

— Природа, природа, — продолжал, улыбаясь, парень, — природа-то и не сделана руками человека.

— Значит, — подхватил лектор, — не все, что нас окружает, есть природа, а лишь только то, что не создано руками человека, и нам остается только выяснить, как она соиздалась, если мы говорим, что не человек и не бог природу эту создал.

— Теперь понятно, — хором сказали все.

— Если понятно, — продолжал лектор, — то скажите-ка мне, пожалуйста, а как вы называете то, что руками человека создано?

— Очень просто, — ответил когечар, — мы назовем это техникой.

1. Транспорт спиленных деревьев.

2-3. Нагрузка распиленных деревьев с помощью подвижной машины.

Перевозы осуществляются в лесу, погружаются на платформы и с помощью специально приспособленного для движения по снегу автомобиля, перевозятся к месту дальнейшей обработки. Распиленные на доски лесной материал с помощью подвижных машин погружаются в вагоны или на пароходы. Продукты дерева бесконечно разнообразны: из него получают и твердые балки, служащие опорными и туннелями, и такой «чуждый» материал, как газетная бумага.

— Разве, товарищи, все, что создано человеком, вы называете техникой. Вот, например: нарисована человеком картина, ведь это не техника, а искусство. Я вас спрашиваю, как вы одним общим именем называете все, все, что создано человеком — и технику, и архитектуру, и искусство и т. д. и т. д.

— Постоите, постоите, товарищи лектор, дайте-ка нам подумать, — попросили рабочие.

— Пожалуйста, товарищи, подумайте! Рабочие поняли, что табачек, кто махорку и так задумали точно трехтрубный пароход отчаливал от берега. Моментально образовались кружки и слышны были возгласы: «искусство», да сказал же лектор, что не это, — что же это может быть. — Давай-ка спросим секретаря ячейки, он ведь человек с баш-

кой. — Культура, культура, слышь, это культура.

Гурьбой подошли к лектору рабочие и среди них один с английской трубкой в зубах спросил:

— Неправда ли, товарищ лектор, все, что создано руками человека — это называется культурой?

— Совершенно правильно, товарищи, все, что создано руками человека, мы называем культурой. А все, что не создано руками человека — природой. А теперь, товарищи, скажите мне, пожалуйста, откуда же взялась вся эта культура, которую мы видим.

— Как, откуда? — спросил один старый рабочий.

— Да вот к примеру мое пальто, что это — часть природы или культуры? — спросил лектор.

— Раз сделано человеком — стало-быть культурой.

— Так, а из чего сделано это пальто? — Из чего? Известно из чего: валии овец, постигли шерсть, промели, получили пряжу и т. д. и вот на фабрике получили сукно — вот тебе и пальто.

— Правильно, — ответил лектор, — ну, а шерсть-то овец, из которой вы делаете сукно — это что: природа или культура?

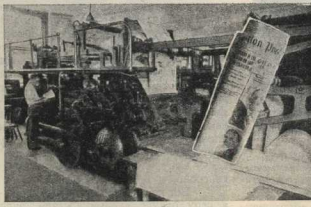
— Раз шерсть человек своими руками сделать не может — стало быть шерсть — это природа.

— Значит, вы ваше сукно, вашу культуру, получили откуда?

— Из природы, — крикнули хором все рабочие.

— Из природы. Все предметы культуры, какие вы только ни видите — создал человек из природы. Вот этот стол — был деревом, которое росло в лесу. Пришел человек, дерево подрубил, отправил в мастерскую и из этого дерева — из природы сделал стол, стул, пианино, скрипку, ящик и т. д. — сделала культура. Но теперь, скажите, какой человек может превратить природу в культуру: дикарь или человек культурный.

— Что там дикарь сделает, дайте ему дерево, так и останется деревом; ничего дикарь не сделает. Вот, к примеру скажите, мы, элевские рабочие, который больше обучен, тот тебе и вещь как следует будет сделать, а который не обучен, тот как был

Один из продуктов обработки дерева — газетная бумага.

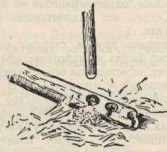

Деревянные балки, служащие крепями в шахте.

сподручным, так сподручным на всю жизнь и останется: известное дело—только культурный человек может все сделать.

СЛУЖБА РАДИОТЕЛЕГРАФА.

Статья инж. Е. Файфуа.

— А вы, товарищи,—продолжал спрашивать лектор,—из чего делаете разные гайки, винты, гвозди и т. д.

— Мы-то. Мы делаем из железа, бывает из меди, какие потребуются.

— Так, а где-ж это железо или медь люди достают?

— Из земли—называется это рудники—правда, товарищ лектор?

— Правда, правда, значит, в природе добывают железо и медь.

— Выходит, что в природе.

— А скажите, было ли такое время, когда человек не знал о железе и меди.

— Конечно, такое время было.

— Что же культура его была высокая, когда железного топора-то не было.

— Значит,—продолжал лектор,—когда человек нашел в природе железо, то он из этого железа начал выделывать разные предметы культуры и жизнь его улучшалась.

— Так, так,—крикнули все рабочие.

— Какой же вывод, товарищи, вы можете отсюда сделать?—спросил лектор.

— Вывод вот какой,—начал один рабочий,—вывод, по-моему мнению, очень простой, а именно: чем больше ты будешь изучать природу, тем больше ты ее изучишь, а чем больше ты ее изучишь, тем богаче будет твоя культура, а чем богаче будет твоя культура, тем легче и лучше тебе будет жить.

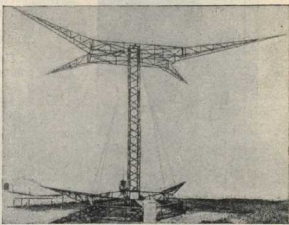
— Но вот, дорогие товарищи,—продолжал лектор,—есть еще один вопрос, о котором вы не должны забывать: *всем ли стало лучше жить* от этой культуры? Не надо забывать, что мало научиться превращать природу в культуру,—надо еще научиться культуру эту распределять так, чтобы не было королей нефти, королей железа, королей золота и т. д., и т. д., а чтобы этой культурой пользовались все, все. Вот на этом мы и закончим сегодня нашу беседу.

В НАСТОЯЩЕЕ время радиотелеграф выполняет целый ряд функций. Первой из них является передача газетных и всяких других сообщений. Все новости, которые мы ежедневно читаем в наших газетах, получаются по радио. Объясняется это тем, что передача по радио обладает неоспоримыми преимуществами перед всеми другими видами передачи. Таким преимуществом является, во-первых, скорость (перелетаемый сигнал в одну десятую секунды облетает весь земной шар), а во-вторых, то, что сообщение, передаваемое из одного места, сразу несется во всех направлениях и может быть принято любым количеством приемных радиостанций, расположенных в пределах дальности действия передающей радиостанции.¹⁾ Так, московская радиотелеграфная станция ежедневно перелает все последние новости четыреста приемных радиостанций, расположенных на территории России. Благодаря радиотелеграфу, известия о всяком крупном событии, происходящем в каком-нибудь пункте земли, буквально, с быстротой магии, распространяется по всему миру и через какие нибудь два—три часа после самого события в противоположных точках земли читают о нем в газетах.

Кроме газетных сообщений, по радио передаются все правительственные циркуляры, распоряжения, приказы и целый ряд других, не менее важных, сообщений, играющих очень большую роль в жизни человечества. К числу таких сообщений относятся сигналы времени и бюллетени погоды, т. е. метеорологические сводки.

Ежедневно, в определенные часы, крупные радиостанции мира передают сигналы точного времени для проверки часов.

¹⁾ На это свойство основано и самое название «радиотелеграф». Многие думают, что в радиотелеграфе как-нибудь роль играет вещество «эфир». На самом деле эфир в радиотелеграфе нет, слово же радиотелеграф происходит от слова «эфир», это обозначает, что передача происходит по радиусам, т. е. из центра во всех направлениях.

Радио-мач.

Сигналы эти передаются особыми автоматическими приборами, непосредственно соединенными с астрономическими observatorиями. Они особенно важны для кораблей, находящихся в открытом море, так как, только зная правильное время, корабль может точно определить свое местоположение.

Приборы радиотелеграфа и радиотелефона в настоящее время снабжаются все пассажирские пароходы. И, что показало бы совершенно удивительным несколько лет тому назад, на больших пароходах во время плавания издаются газеты, содержащие сведения, получаемые по радио, и, по своей осведомленности, ничуть не уступающие лучшим издающимся на суше газетам. Пассажир, находясь среди океана, может послать депешу в любой пункт земного шара и в самый короткий промежуток времени получить ответ. Применение на судах радиотелефона еще более облегчило эту возможность, и теперь пассажир парохода, находясь среди океана, может просто «поговорить» со своими близкими и знакомыми, находящимися за тысячи километров на берегу, почти так же просто, как мы привыкли уже говорить по проволочному телефону. Достижением это тем, что передача по радиотелефону включается в передачу по проволочному телефону и поэтому пассажир, находясь среди океана, может связаться с любым абонентом проволочного телефона, находящегося в пункте, который может быть связан телефоном с сухопутной радиостанцией.

То же самое осуществляется и на воздушных судах. На особенно оживленных линиях воздушных путей сообщения пассажирские самолеты снабжены радиотелефонами. Так, на линии Париж—Лондон в плату, взимаемую с пассажиров, уже включается плата за один радиотелефонный разговор. Пассажир с летящего аэроплана может говорить с любым абонентом проволочного телефона в Англии или Франции.

Учебный полет летной школы в Сан-Диего. Все распоряжения—по радио.

Радио-станция полевого типа. Источником энергии служат батареи велосипедов.

Неизмеримо возрастает значение службы радиотелеграфа во время крушения или аварии судна. Всем морякам известен сигнал бедствия SOS, передаваемый по радио в минуту смертельной опасности. По этому сигналу все услышавшие его суда обязаны прийти на помощь погибающему, и немалое число человеческих жизней спасено, благодаря радио. Особенно замечательна в этом отношении гибель громадного пассажирского парохода «Титаник», в 1912 г. наткнувшегося на плавающую льдину в Атлантическом океане. Катастрофа произошла ночью во время чрезвычайной густоты тумана и количество жертв было бы громадно, если бы не самоотверженная работа радиотелеграфиста Джона Бернса, своими сигналами о помощи призванного к месту крушения целую флотилию судов. Бернс погиб на своем посту, проложивая выжить: помощь даже тогда, когда весь корпус судна погрузился и над поверхностью были видны только мачты.

Но этим не ограничивается служба радио на морских и воздушных путях. Помощью специально приспособленных приемных радиостанций можно определять местоположение слышимых радиостанций. Такие приспособленные радиостанции называются *пеленаторными*. Сущность их такова: Как всем известно, для передачи и приема радиотелеграфных сообщений используются воздушная сеть, состоящая из одного или нескольких проводов. При этом отмечено, что передающая радиостанция слышна лучше всего тогда, когда воздушная сеть приемной радиостанции протянута прямо по направлению к передающей. Этим свойством воспользовались при построении пеленаторных радиостанций. Простейший вид пеленаторной радиостанции состоит из нескольких воздушных проводов, протянутых из одного центра по разным направлениям. Приемник может быть включен к каждой паре расположенных в противоположных направлениях проводов и, таким образом, поочередно включая приемков в различные пары воздушных проводов, находят ту пару, при включении которой слышимость самая лучшая. Это показывает, что слышимая радиостанция находится в том направлении, в котором протянуты те воздушные провода, при включении которых передающая радиостанция слышна громче всего.

Но одна пеленаторная радиостанция показывает только направление к слышимой радиостанции, а не то место, в котором

она находится. Для того, чтобы определить местонахождение радиостанции, приходится ставить две пеленаторные радиостанции на некотором расстоянии одна от другой. Каждая из этих радиостанций дает направление к слышимой радиостанции местоположение которой определяется точкой пересечения этих двух направлений.

Пеленаторные радиостанции самым широким образом используются на морских и воздушных путях. Они устанавливаются в различных пунктах морского побережья и по пути, пролетаемому воздушными судами. В бурную погоду, или туман, когда корабль или воздушное судно теряет возможность ориентироваться, они помощью своих радиостанций запрашивают о своем местоположении. Пеленаторные радиостанции определяют его и сообщают судну. На многих морских берегах служба эта настолько хорошо поставлена, что, обычно, не приходится двух-трех минут после того, как судно запросило о своем местоположении и оно получает точный и определенный ответ.

Основным свойством радиопередачи является то, что передаваемые сигналы распространяются во все стороны. Но в самое последнее время удалось приуменьшить такую систему радиостанций, при которой излучаемые волны могут быть направлены в виде лучей, совершенно подобному световому, в любом направлении. Это изобретение использовано в виде так называемых

Установка радиотелеграфа на подводной лодке.

радио-маяков, заменяющих, устанавливаемые при входе в порты, световые маяки. Лучи, излучаемых радио-маяком волн, воспринимаются, конечно, не глазом, а установленным на судне радиоприемником. Преимущество радио-маяка перед световым очень велики. Главные из них: дальность действия, независимость от тумана и непрерывная работа и днем и ночью.

Чрезвычайно ценные услуги оказывает радиотелеграф военному делу. Здесь следует отметить, что применение радиотелеграфа в армии в сильнейшей степени способствовало его развитию и усовершенствованию.

В настоящее время имеются образцы военных радиостанций, переносимых одним или двумя солдатами. Все главные части ра-

Источник энергии авиационных радиостанций. Препарат вращается от сопротивления воздуха при полете.

диостанции помещаются в солдатском ранце и один солдат переносит их на своей спине. Общий вес радиостанции меньше одного пуда.

Совершенно другая сторона военного дела также нашла в радиотелеграфе полезное орудие, используя его в целях получения сведений о неприятеле. В основу этого применения легло свойство радиотелеграфной передачи быть слышимой везде в пределах дальности действия работающей радиостанции. Это создает возможность прослушивания неприятельских распоряжений. Кроме прослушивания, могущего нередко дать весьма ценные сведения, для получения сведений о неприятеле еще используются пеленаторными радиостанциями, при помощи которых определяют местоположение слышимых радиостанций противника. По этому местонахождению можно судить о расположении неприятельских частей и их передвижениях, что иногда дает возможность предугадать и планы противника. Поэтому, для того, чтобы не дать противнику возможности извлекать помощью захвата сообщений и пеленгования полевых для него сведений, радиостанции принимают особые меры предосторожности и передают все секретные сообщения в зашифрованном виде, т. е. заранее установленными сигналами.

Такова в общих чертах служба радиотелеграфа. Мы видим, что за немногие годы радиотелеграф с необычайной быстротой достиг очень широкого развития и из диковинки сделался необходимым орудием и важным фактором в современной жизни человечества.

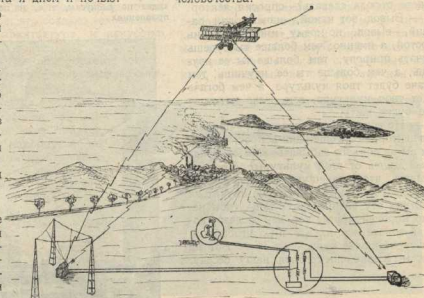

Схема комбинированной проводной и беспроволочной сети между авиационным аппаратом и кораблем.

ЛЕНИНСКИЙ НАБОР.

Очерк Вл. Клина. Фот. Красинского.

В СОКСЕ до сих пор было очень слабо партийное ядро.

Московская организация Союза насчитывала до последнего времени лишь 12% членов партии. Целый ряд других крупнейших промышленных организаций Союза имели не больше 10—12% членов партии.

Проводимый ныне ленинский набор комсомольцев в партию, безусловно, усилит и укрепит партийное ядро Комсомола.

В партию широкой волной тянутся комсомолы.

Впереди идет Ленинград. Здесь по 10 марта по всем районам вступило в РКП 2.843 комсомольца.

В Иваново-Вознесенской губернии в местах крупных рабочих районов—Шуя, Тейково и др. уездах в партию влились 156 человек.

В самом Иваново-Вознесенске комсомолом поставлена задача передать в РКП 420 комсомольцев.

В Екатеринославе организация комсомола передает 2.500 человек.

По Пермскому округу, по сведениям на 5 марта, вступило в партию 167 членов РКП.

Банинская организация РКП передает в РКП 1.000 человек рабочих-комсомольцев. Уже передано 500 человек.

В Смоленске в партию вступило 100 комсомольцев.

На Урале, в Належдинском рабочем районе конференция индустриального юношества в числе 350 человек вступила в РКП — лучшие из делегатов переданы в партию. И так всюду.

Однако, важно не только передать комсомольцев в партию, важно передать лучших, наиболее выдержанных.

Поступающие сведения говорят, что ленинский набор комсомольцев составляет часть, достойную этого набора.

— Мы в тягость партии не будем. Мы многому научились в Комсомоле и многое знаем, — говорят Гомельские комсомольцы — партийные новобранцы.

Идут, главным образом, взрослые комсомолы, имеющие достаточный комсомольский и производственный стаж, показавшие себя на работе.

С другой стороны Комсомолом и партией среди вновь вступающих проводятся доклады по истории партии; партийные новобранцы объединяются в кружки для изучения ленинизма. Заполняют школы поллитграмоты — словом получают одно из необходимых условий для политической активности в современных сложных условиях — начальные знания основ большевизма.

Ленинский набор комсомольцев еще не закончен.

Еще гудит призывная труба.

Настежь открыты вверь нашей партии перед волной лучших новобранцев.

С этими могучими пополнениями партия будет продолжать готовиться к величайшему в истории моменту — мировой революции.

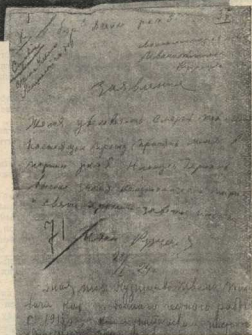

Одновременно, лучшая часть беспартийной рабочей молодежи идет в РКСМ. Мы в прошлом номере журнала отметили цифрами этот прибор в Союз, желающий стать политически активной частью молодежи.

Чем Комсомол встречает этот прибор пролетарской молодежи? Учбой.

Привлечение новых пополнений в Комсомол совпало с моментом, когда Союз перестраивал свою работу таким образом, чтобы книжная учеба в гораздо большей мере, нежели это было раньше, велась на основе практики, т.-е. на основе живейшего участия в политической жизни.

Такая постановка комсомольской работы сможет выковать из вступающих комсомольцев достойных носителей ленинского знамени.

Така в партию продолжается. Как пожилые рабочие, так и заводская молодежь десятками тысяч идет в стальные ряды РКП. Наш снимок сделан на заводе (Ф. Михельсон) имени Ильича. Товарищи рабочие этого завода хорошо помнят, как у них, после митинга, в 1928 году был ранен эс-эраки Владимир Ильич — они с честью идут в первом ряду пролетарских колонн Москвы и всего СССР.

ЧТО И КАК МЫ МОЖЕМ ВЗВЕСИТЬ.

Статья В. А. Карякина.

НАВЛЮДЕНИЯ над природой приводят нас к убеждению в существовании законов, которым подчинены все явления.

Остановившись пока на одном.

Падает на землю дождевой снег из облаков, падает камень, который перестали поддерживать рукой, падает на землю сухой лист, сорванный ветром, падает на землю все лишнее поддержки или опоры.

Перечисленные явления представляют собой проявление особого свойства, которым обладают все части материи или вещества.

Оно состоит в том, что между различными количествами или массами материи проявляется сила, стремящаяся их сблизить. Эта сила носит название *силы всемирного тяготения*.

Установление существования этого закона принадлежит великому английскому физическому Нью-тону (1644 г.).

В том частном случае, когда одной из действующих масс является масса земли, сила притяжения ее других тел называется *силой веса* или просто *весом* этих тел.

Мы знаем, что силы, с какими стремятся приблизиться к земле различные тела, т. е. силы их веса неодинаковы.

Трудно удержать над землей гиру в 2 пуда и совершенно невозможно для человека сделать это с гирей в несколько раз более тяжелой.

Как всякая величина, вес тела может быть измерен, т. е. сравнен с каким-нибудь весом, принятым за единицу.

Еще у культурных народов глубокой древности существовали как мера веса, так и приборы для определения веса тел. Талант, равняемый на 60 мин, мина, равная 100 адрам и обол, равный 1/3 драхмы, — были весовыми единицами у древних греков.

Греческая весовая система, как известно, удержалась в нашем антикарском мире до настоящих пор.

Можно сказать, что каждый народ стремился создать собственную систему мер. Это не представляло неудобств, пока взаимная связь между rivalными странами была слаба.

Но развитие международных отношений указало на необходимость введения общей для всех народов системы весов мер, в том числе и мер веса.

Как международная весовая единица принят в настоящее время 1 килограмм, равный, как предполагали при создании этой единицы, весу 1000 куб. сантиметра воды при температуре 4° Цельсия.

Неизвестно, кто и когда впервые ввел в употребление прибор для измерения веса тела — *весы*. Памятники глубокой древности свидетельствуют о том, что весы известны были уже давно

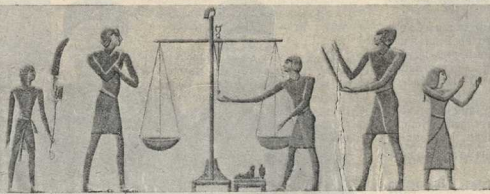

Рис. 1. Изображение египетских весов.

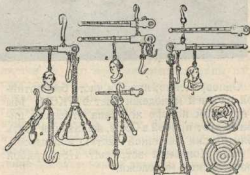

Рис. 2. Римские безмены, найденные в Помпеях.

миговыми народами, но нет ни преданий, ни легенд, которые бы связывали чье-либо имя с этим в высокой мере важным для человеческого общества прибором.

Египтяне, познания которых в области физики и химии были довольно значительны, не могли, конечно, обходиться без измерения силы веса.

Приводимый рисунок, изображающий барельеф египетского здания, вполне подтверждает мысль о знании египтянами весов и их устройства, а также дает нам указание, что весы египтян в целом их устройством ничем не отличались от употребляемых теперь в области нашей жизни.

При раскопках на месте забытого лавей древнего римского города Помпеи найдены были красивые безмены — весы римлян. Нередко и мы встречаемся с безменами, как с прибором для измерения веса тел.

Среди арабских ученых, около 1120 г., достиг весьма больших успехов в области механики Альхазини. Он построил настолько точные весы, что произвел с их помощью их определение удельных весов тел (вес единицы объема) совпадающим с данными современных определений.

Весы Альхазини были чудом механики того времени и арабы назвали их *весами мудрости*.

Большой затраты времени и труда требовало взвешивание тяжелых грузов.

На торговых площадях старых городов Германии до настоящего времени сохранились еще весы, служащие для взвешивания больших грузов, чрезвычайно примитивного устройства. Толстое среднее поперечное сечение с помощью цепи и потопку построены, грубые платформы на цепях или канатах служат чашками этих весов.

Естественным требованием, предельным техник, было осуществление такого устройства весов для больших грузов, при пользования которыми, в первую очередь, не требовалось бы подни-

мать такую же тяжесть из гири на чашку весов, как и вешиваемого груза.

Это осуществлено устройством десятичных и сотенных весов. Гирь, которые кладутся для взвешивания груза на чашку первых весов в десять, а на чашку вторых весов в сто раз меньше уравновешиваемого ими груза.

Поразительно, по достигнутой цели, результаты применения десятичных весов мы имеем в устройстве так называемых платформенных весов, которыми пользуются для взвешивания, при чем взвешивания строго, грузов от 20 000 килограмм, до 60 000.

Особая тщательность изготовления дает такую чувствительность им, что перегрузка или недогрузка их в 1/10000 взвешиваемого груза может еще быть обнаружена. Это последнее означает, что при взвешивании вагонов с грузом недостаток 1 килограмма может быть отмечен.

Не менее интересны автоматические весы для взвешивания зерна, встречающиеся в крупных портовых городах.

Зерно с кораблей при помощи элеватора поднимается вверх и по широкому передаточному ремню сыпается, почти непрерывным потоком, в воронку этих весов. Веса снабжены регулирующим аппаратом и позволяют без особого присмотра и ручного труда взвесить до 150 000 кил. (9 000 пуд.) ржи или пшеницы в течение 10 часов.

Для точных *взвешиваний небольших грузов* служат так называемые *химические весы*.

Главные части их: коромысло, опора для коромысла и чашка с подвесками.

Особого старания и тщательности требует при изготовлении коромысла. Оно представляет собой равноплечий рычаг. Треугольная призма, обращенная вниз одним из своих ребер и прикрепленная к середине коромысла, позволяет рычагу опираться на пошпую опору.

Две другие призмы на концах коромысла, обращенные вверх одним из своих ребер, предназначены для поддержки пошпов с чашкой.

Острые ребра всех трех призм должны лежать в одной горизонтальной плоскости, и расстояния ребер крайних призм до ребра средней должны быть равны.

Для достижения этого коромысло снабжается особым регулирующим приспособлением.

Чтобы ребра призм не туголились от тяжести коромысла и пошпов с чашками, когда на весах не работают, особая подвеска рамы, т. е. арретир, поднимает и коромысло и подшвы.

Коромысло, для увеличения чувствительности весов к перегрузкам, делается по возможности легким из прочного материала.

Рис. 3. Весы для взвешивания тяжелых грузов.

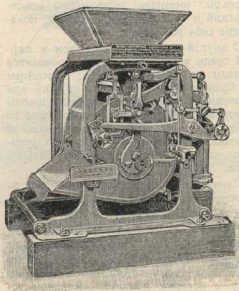

Рис. 4. Элеваторные весы для зерна.

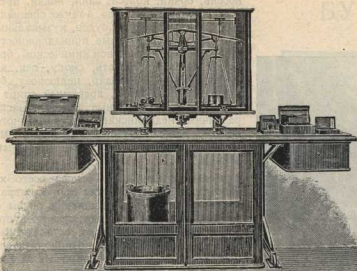

Рис. 5. Химические весы.

Для защиты весов от движения воздуха, что могло бы повредить при правильности взвешивания, весы помещаются в ящик-шкаф со стеклами.

Происхождение на этих весах взвешивание со всей возможной тщательностью, можно достигнуть весьма большой точности. При взвешивании 1 килограмма достигается погрешность в 0,005 миллигр. (1 миллиграмм = 0,001 грамма; 1 грамм = 0,001 килограмма), т. е. по 1 миллиу взвешиваемого груза.

Как ни велики были препятствия, какие встречались при необходимости взвешивать тяжелые предметы, они все-таки были устранены.

Для старинные весы для этих целей были грубы, малочувствительны, ошибки при взвешивании значительны, все же на этих весах можно было взвешивать. От их усовершенствования зависело только более быстрое, с наименьшей затратой труда, и более точно производимое взвешивание. И техника, как мы видели, легко разрешила эти задачи. В горло было вставлено устройство, позволяющее, ни пришлось стать перед задачей производить свои наблюдения над ничтожными по весу количествами веществ.

Для химических весов 0,005 миллиграмма предельный груз, который они еще могут обнаружить, потому, если взвешивается тело в 1 миллиграмм, то может быть отмечен недостаток или избыток в весе этого тела только в одну десятую его веса.

Если нам взвесить надо 0,001 миллиграмма, то на химических весах этого сделать нельзя; они не обнаружат присутствия на их чашках такого груза.

Чтобы выйти из затруднения, можно оказалось при необходимости взвешивать количества вещества, далеко уходящая за пределы чувствительности химических весов, необходимо было создать или новый прибор, построенный на иных основаниях, чем химические весы, или же для всех весов типа химических создать такие условия, при которых чувствительность их стала бы во много раз большей. Оба эти пути были использованы в тех работах, где приходилось иметь дело с ничтожными количествами вещества. Там были созданы новые приборы для осуществления возможности производить взвешивание малых количеств вещества — микро-весы.

Коромысло весов, построенных Варбургом и Исидо было сделано из стальной трубочки толщиной в 1 миллиметр и длиной в 8 сантиметров. Вместо призм сургучем были прикреплены тонкие кусочки бриту. Зажимы от вертикального к коромыслу, по которым отклонялись при нагрузке. Вес коромысла со всеми дополнительными частями был около 0,2 грамма. При нагрузке в 0,6 грамма на нижней стороне, чувствительность весов была такова, что можно было обнаружить разницу в весе в 0,002 — 0,003 миллиграмма.

На совершенно ином основании построены весы Сальвини. Чувствительность их такова, что они могут отмечать уже 0,001 миллиграмма.

Как же сделаны эти весы?

Если один конец тонкой палочки укрепить, а другой обременить грузами, то палочка будет отклоняться, величина отклонения (отклоняется прогиб) тем больше, чем больше подвешенный груз.

В весах Сальвини были употреблены тонкие стеклянные нити, прогиб их отмечался с помощью микроскопа с окулярным микрометром, т. е. совмещался.

Сальвини применял свои весы и исследованию целого ряда интересных явлений, между прочим, он определил потерю в весе мускуса, т. е. определил вес запаха.

Но самыми интересными по точности и изяществу метода работы, весы можно считать весы, употребленные в работе Рамаза и Грэй.

Весы эти были предложены Бертрамом Стилем и Керсом Грантом.

Принцип, который лежит в основе их устройства, принцип обжимных весов, но метод пользования ими и сама их конструкция таковы, что чувствительность, получаемая при пользовании ими, весьма высока.

Особой формы коромысло сделано из четырех стальных стерженьков, толщиной около 0,5 миллиметра, спланных между собой с литым стерженьком, соединившимся в явном. Стриге этого являющегося на полноразмерной кварцевой пластине, прикрепленной на верху латунной стойки. Вес коромысла с полостью системы около 0,2 грамма.

К одному плечу коромысла прикреплен кварцевый сосудик с воздухом, запаянный при определенной температуре и давлении, это дает возможность рассчитать вес этого воздуха. На другом конце коромысла помещается кварцевый противовес.

Весы помещаются в латунную ящик со стеклянными окнами. С помощью насоса из ящика может быть удален воздух, а степени его разрежения говорит соединенный с ящиком манометр.

Действие этих весов строится на известном законе Архимеда: вытесненное тело, погруженное в жидкость или газ, как бы теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость.

Кварцевый сосудик, соединенный с коромыслом, вытесняет определенный объем воздуха, находясь в явном весе. Но воздух в этом явном, может быть по желанию разрежен насосом, поэтому по-

тер в весе сосудика может быть сделана или большей или меньшей.

Если мы представим себе, что при определенном давлении воздуха внутри сосуда уравновешен своим противовесом, то, добавляя взвешиваемое тело действующим на коромысло совместно с сосудиком, мы равновесие нарушим.

Для восстановления равновесия и придется уменьшить давление. Следовательно, регулируя давление насосом, можно прибавлять, или отнимать малые веса, т. е. производить взвешивание.

Излишнее давление в 1 миллиметр соответствует в явном в сплыве Гранта таким изменениям и положению равновесия, что чувствительность весов достигала 0,000004 миллиграмма.

От чрезвычайно малых нагрузок в миллионные доли миллиграмма, до взвешивания за один раз 50.000 килограмм — вот та широкая область, в какой в настоящее время применяются весы, принятые в эту форму, по воле конструктора, в зависимости от величины взвешиваемых грузов. Можно ли надеяться на расширение области доступных для измерения грузов? Можно ли думать, что могут быть взвешаны грузы еще более тяжелые? Можно ли думать, что не встретится непреодолимых препятствий для обнаружения веса еще более легких масел? На эти вопросы развитие научной мысли дает положительный ответ, и мы в настоящее время имеем много тому доказательства. Вместе с тем, как наука создает сейчас картину строения вещества, проникая мыслью своей в сложную структуру элементов мироздания — атомов, она, можно сказать словами Рамаза, работает над тем, чтобы увидеть невидимое, ощутить неуловимое и взвесить невозможное.

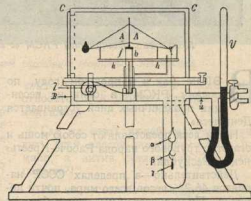
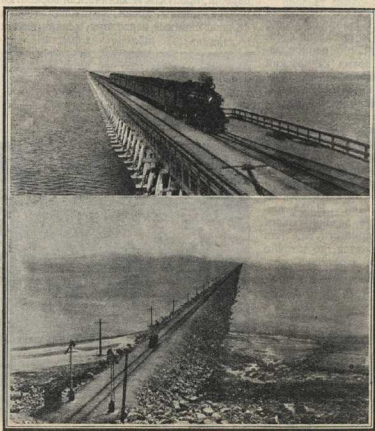

Рис. 6. Микро-весы Стиля и Гранта.

Величайший мост в мире.

— Недавно построен через Селено озеро (в западной части Соединенных Штатов) он имеет в длину более 30 верст, несколько верст занимает насыпь, остальная часть моста построена на скалах.

ДЕНЬ ЛЕСА.

Статья Вл. Альтмана.

Молодежь с организацией РКСМ во главе отправляется на древесонасаждение.

В ЭТОМ, как и в прошлом году, по почину РКСМ, в один из весенних праздничных дней устраивается «День леса».

Наши леса представляют собою мощь и богатство трудового народа Рабоче-Крестьянских Республик.

Действительно — в пределах СССР находится 46,2% лесов всего мира, почти половина. По количеству мы — самая богатая в мире лесом страна. А по качеству?

В этом отношении мы знаем, что лесные породы СССР качеством своей древесины равны лучшим сортам в мире, а в некоторых случаях превосходят их. Например, наш дуб — один из лучших в мире сортов дуба.

В Индии растет чрезвычайно ценное дерево — саишит, в то же время кавказский саишит превосходит индийский по качеству, русская осина не имеет себе равной для спичечного или древесно-массового производства; наши осина и ель получают в границах наивысшую цену. Для приготовления коробок музыкальных инструментов нужен особый сорт дерева, который усиливает бы и придавал особый оттенок звуку инструмента (резонировал бы), вот таким качеством и отличаются сорта Казанской, Вятской и Кавказской ели. Наша ель является лучшим в мире резонирующим деревом. Можно было привести еще ряд примеров, но и этих, кажется, достаточно для подтверждения того, что леса Советского Союза занимают самое большое место на земном шаре не только по количеству, но и по качеству.

Не мудрено поэтому, что русская древесина издавна занимала видное место на мировом рынке, а начиная с 1907 года наш вывоз начал превышать вывоз из Америки, стоявшей до этого времени на первом месте по вывозу. В 1913 году вывоз леса из России достиг суммы в 165 миллионов золотых рублей. Мировой буржуазия, отрезавшей себя блокадой от нашего леса, пришлось крутенько; и когда в 1922 г.

Наркомвнешторг вывез впервые за границу около 200.000 стандартных лесов, т. е. десятую часть ежегодного лесовозного вывоза, английские газеты и журналы, а за ними норвежские и германские подняли шум что этим лесом страна Советов заставит себя признать. И в признании Англией де-юре нашего Союза СССР не последнюю роль играла нужда английской промышленности в советском лесе.

Вот небольшой перечень тех материалов, которые дают нам наши леса: дрова, бревна, лыко, мочало, дубильные коры, береста; продукты механической обработки: брусья, шпалы, доски, бондарная клепка, фанера, оконные переплеты, косяки, двери,

мебель, бочки, колеса, сани, лодки, предметы домашнего обихода, а также специальные части аэропланов, судов, музыкальных инструментов и учебные принадлежности; в то же время посредством химической обработки мы имеем: летот, смолу, пек, каучукоподобный уголь, скипидар, целлюлозу, бумагу, колесную мазу, древесный спирт и уксус, крезот, хвойные эфирные масла, различные медицинские средства и многое другое, даже искусственный древесный шелк. Потребность во всем этом очень велика.

Лесное хозяйство — основа всего хозяйства СССР, и здесь лес приносит грандиозную пользу, как защитник почвы от засухи, рек от обмеления; лес предупреждает размывание оврагов, останавливает сплывшие лески, которые по приблизительному подсчету проф. Нестерова засыпают у нас ежегодно 240.000 десятин, пригодной для произрастания хлеба, земли. Кроме того, лес дает пастыбу скота, сеносеко, охоту, сбор грибов, ягод и многое другое.

Лесные насаждения предохраняют железные дороги от заносов снегом и песком.

Природа предоставляет человеку массу богатств, но все они будут бесполезны, если их не суметь правильно использовать. Так и для того, чтобы леса приносили пользу Рабоче-Крестьянской Республике и не уничтожались бесощадно, а сделались бы гордостью трудящихся Советского Союза, необходимо правильное лесное хозяйство. Подробно говорить о нем мы не будем, а укажем лишь, что основа правильного лесного хозяйства заключается в том, чтобы не вырубать ежегодно лесу больше того количества, которое приросло за год. Это достигается путем сложных подсчетов специалистами. В России никогда еще не было лесного хозяйства и начать создавать его — задача трудящихся СССР. Это дело откладывать нельзя, потому что оно является частью общего строительства социалистического хозяйства и еще потому, что в годы войны и революции уничтожены массы лесов. Леса заменяли нашей промышленности и транспорту уголь и нефть в то время, когда мы были фронтами отрезаны

За работой.

БУДУЩИЕ РУКОВОДИТЕЛИ.

Фотогр. П. Лас.

от них. Донбас—всесоюзная кочегарка, был в руках Деникина, Кавказ с его нефтью был во власти Антоновских оккупантов. Без топлива должны были стать, не дыша, фабрики, заводы. Остановились бы поезда, подвинувшие на фронт помощь красным бойцам и продовольствие умирающему с голоду рабочему городу. И нас выручили леса. Леса спасли революцию, теперь пришел черед и нам позаботиться о них.

Сейчас наша рабочая молодежь очень увлекается физкультурой. Это понятное стремление пролетариата оздоровит себя. В то же время условия городской жизни затрудняют осуществление наших замыслов. Каменные мостовые и дома, пыль, духота в жаркие дни—все это нам хорошо знакомо. А для легких нужен свежий воздух, поэтому справедливо замечание, что «сады и парки, это—легкие городов». За дышащиеся города дышат своей зеленью; и вот, чем больше будет в наших городах зелени, тем здоровее будем мы. Поэтому комсомольцы берут на себя всю инициативу в устройстве «леса».

В этом году в «день леса», по всему Советскому Союзу, молодежь выйдет на свой праздник. Городская молодежь будет расширять сады, парки, сады, делать насаждения. В будущем, при коммунизме, наши пыльные города будут обращены в цветущие города-сады, а пока мы делаем маленькую вступительную работу, хотя бы обсаживая деревьями клубы молодежи, спорт-площади, школы. У деревенской молодежи больше возможностей, так как она непосредственно близка к лесным богатствам. Там комсомольцы распространяют идеи бережного отношения к народному достоянию—лесу, пропагандируют ведение правильного лесного хозяйства; вместе с тем, делом подают пример.

Кроме того, и это не последнее, коллективная работа в «день леса» имеет большое воспитательное значение, как субботник, приучающий молодежь к коммунистическому труду—общему труду на общую пользу. В этом труде мы вкладываем долю своего труда в общий труд восстановления народного хозяйства—строительства своего будущего.

Этим самым мы осуществляем завет Ильича: «Надо, чтобы в любой деревне, в любом городе, молодежь решала ту или иную задачу общего труда, пуская самую маленькую, пуская самую простую».

Школьники Ташкента на весенней посадке.

Занятия кружка «происходки» в бывлом рассаднике темноты и невежества.

СМЕРТЬ Ильича с силой электрической волны всколыхнула самые широкие массы. Эти два слова: «Умер Ильич» явились рычагом, сдвинувшим все и всех с места. Забурлило человеческое море, всколыхнулось. Свежие люди рабочих от станка, чувствуя незаминную утрату, влились в свою коммунистическую партию.

Рабочая молодежь не отстала. Денгулись одиночками, десятками, сотнями в Комсомол.

Все они пришли учиться быть коммунистами. Часто не зная программы, а по инстинкту они тянутся в Союз.

Прошли дни скорби. Потянулись трудовые будни. С утраенной энергией надо принять за работу. И тут перед комсомолом стоит громадная задача: воспитать массу новичков, обучить, обработать ее. Перед новичками большая ответственность, ибо они называются «Ленинским набором» — юными ленинцами, а такое звание не каждому дается; нужно уметь на каждом шагу, в каждой мелочи оправдывать это звание.

И каждый новичек должен это усвоить себе. Он должен чувствовать ответственность за каждый поступок. И на произовстве и в повседневных вопросах быта и на занятиях,—всюду юные ленинцы должны поступать так, *будто чувствуют на себе*

строгий Ильический взор. (Это, конечно, относится и к нашим старичкам комсомольцам).

Где же брать людей, могущих руководить всей массой новичков? Ведь их не мало, а актив остался то же, что и раньше!

Их надо созвать через кружки руководителей работы с Ленинским призывом.

В Райкомпресненском районе полтпросвет бригадой РКМС организовал такой кружок. 100 человек из разных фабрик, заводов и школ района пришли в этот кружок научиться руководству на своих предприятиях группами новичков.

На будущих руководителях лежит не малая ответственность. Оттого, как они поведут свою работу, очень многое будет зависеть.

Занятия кружка происходят в бывлом рассаднике темноты и невежества—б. Пименовской церкви. Уже почти год, как «чертенята комсомольцев» забрали эту церковь себе и организовали в ней клуб имени «крупнейшего религиозника» — Демьяна Бедного. Сняты, годами гнившие там, «святые образы». Теперь со стен льются улыбки наших вождей.

В один из дней недельной работы клуб собирает кружок, в ожидании начала ребята шумят, прыгают, скачут. Но как только начинаются занятия, молодежь лишь как будто становится старше. Лишь иногда кого-нибудь встряхнет головой и заговорит карандашом на бумаге. Несутся слова руководителя, облетают все уголки б. церкви. Вдумчивые лица ребят говорят за то, что они понимают свою важную задачу.

Будем надеяться, что работа даст благоприятные результаты.

ЖИВОЕ КИНО.

Очерк Вл. Петряка. Фот. Д. Зубкова.

Наши сценарии.

В ДЕНЬ авулетия ячейки РКМС при Артамоновском трамвайном парке всем нам хотелось придумать что-либо новое, интересное. Шаблонные митинги-спектакли на доселе хуже тоскливой предвесенней слякоти.

Точно я не помню, как мы придумали устроить кино. Это не так важно. Главное, это то, что мы вместо спектакля решили поставить свое живое кино: причем «драму» и «комедия» разыграть из нашей жизни и работы.

Решено—сделано.

На мою долю выпала самая тяжеловесная обязанность: быть кино-режиссером.

— Режиссер, так режиссер. Ничего не попишешь.

С помощью некоторых товарищей из ячейки приготовили четыре сценария. Каждый в одном акте. Кроме того, все взяты из жизни ячейки.

Вот они:

«Подзатыльник—лучший педагог».
Так назывался первый сценарий из жизни подростков на заводе в царское время. Это нечто вроде драмы, с возбуждением, дракой и убийством. Доложила текст следующий:
«Работа в мастерской. Ребята курят, переговариваются. Входит мастер. Обходит

... стройной колонной кружок физкультуры...

учеников—учит: бьет их. Вдруг один обрезал руку. Бежит к мастеру. Тот залечил рану и «поставил на место». Входит другой мастер: «Выпить бы». Посылают ученика за водкой. Снова обходит учеников и судачит их. Прибегает ученик с водкой. Пьют, дают подзатыльники. Один возмущается, его бьют и выталкивают с завода. Ребята возмущаются. Один вскакивает и говорит, что надо требовать человеческого обращения. Они увлеклись и не заметили, как вошли мастера, подглядяли и пошли доносить директору и полиции. Вдруг входят: директор, два жандарма и мастера.

Объяснение: сратора хватают и избивают. Вскрикивает другой—его тоже бьют и выталкивают.

Мастера и жандармы заставляют каждого работать, ставят к станкам.

Директор подзывает мастеров, хлопает по плечу и говорит: «Молодцы, хорошо работаете у меня».

Мы, никогда в жизни не видавшие сценария, ткали его сами.

Остальные три сценария мы построили на основании фактов и случаев, происшедших в ячейке и фабзавуче.

В них мы «прохватили» недисциплинированность наших активистов, которые беспрерывно кричат:—У нас нет дисциплины!—а сами не замечают за собой этой же расхлябанности.

Однажды, из нашего фабзавуча, по распоряжению Г. Ж. Д. (Управление Гор. Жел. Дор.) и при содействии директора Артамоновского парка, хотели взять несколько тисков. Одним словом—хотели «обезручить» учеников. Ячейка РКМС встала на дыбы, и тиски отстояли благодаря энергичности секретаря, Лыгина, который, несмотря на то, что и имеет дурную привычку

часто повторять: «Послушайте меня, Лыгина-дурак», все же был хорошим, смысленным парнем.

«Тиски отстояли»... Так мы и назвали свой третий сценарий...

И, наконец, в четвертом сценарии мы решили «критикнуть» занятия кружка физкультуры. Хотя я и пишу, что былработан четвертый сценарий, но это неверно. Сценария вовсе не было. Эта сцена была рассчитана исключительно на сообразительность артистов.

На «экране».

Наконец, подошли нужные 8 час. вечера. Публика, в большинстве—рабочие Артамоновского парка.

Часов в 10 в зале погасли огни. Выхожу и объясняю зрителям, что сейчас мы покажем живое кино. Рассказал, что играют сами ребята, по сценарию, сочиненному не спешами, и что все scenes будут из нашей, местной жизни и что «кино-театры» будут играть также, как и на спектаклях, только молча, а я буду исполнять роль напильщика.

Затем, объяснив, что первой сценой идет «Подзатыльник—лучший учитель», открыл занавес.

Под аккомпанемент рояля, на сцене, за столами, изображавшими станки, работали ученики.

Выдержав паузу, я начал объяснять, что происходит. Ребята, прислушавшись к моим словам, стали производить соответствующие движения.

После того, как мастера, позидеавшись над учениками, ушли, я стал объяснять дальше.

— Подростки возмущаются обращением мастера. Старший из них призывает всех к выступлению с требованием к директору о человеческом обращении. Один оратор сменяется другим. Увлеченные, они не заметили, как к ним прокрались мастера.

Завиримированный под Чаплина (место трусиков—рубашки). на то, что и имеет дурную привычку

Но «мастера» долго не выходили. «Чорт возьми, что это с ними случилось» — досадливо подумал я, и полагаю, что они меня не слышат, повторил громче.

— С подлой целью похраждаются мастера, чтобы донести об этом кому следует.

Наконец, «мастера» вышли. Один был с бутылкой. Оказывается, он ее искал. Дальше дело пошло, как лыжи по снегу. Я объясню:

— Врываюся: директор, жандармы и сады мастера. Некоторые подростки испугались, разбежались. Но другие стали предъявлять свои требования. Директор завода угрожающе поднял кулак и приказал жандармам: «Схватить его!»

Ребята все делали: без единого звука, широко раскрывая рты и ожесточенно размахивая руками.

Кончилось тем, что силой заставили подростков работать.

Занавес упол. Аккомпанیمانт умолк. По апподисиментам можно было судить, что наши труды не пропали даром.

Оборенные первым успехом, мы приступили к второму действию. Быстро очистили комнату, поставили один стол и пять стульев, плотно усадили ребят—членов бюро, уткнувшихся в обсуждение вопроса о дисциплине, и...

...Занавес открылся.

В дверь бюро ячейки постучался любопытствующий комсомолец. Его прогнали члены бюро до пяти раз, т. е.—по количеству заседавших. Каждый раз высказывали все новые и новые члены бюро и выталикивали непослушного комсомольца. А после этого, все развинтились и стали «валить дурака».

Вся суть этой сцены заключалась в том, что бюро комсомольских ячеек тысячу раз повторяет: «Надо поднять дисциплину!» и само ее в то же время подрывает.

Гальцов—директор парка Г. Ж. Д.

Третья сцена «Как мы отстояли тиски» вышла лучше других и больше всего

понравилась рабочим, потому что все помня этот случай.

Сценарий усады сохранить.

Вот он:

«Работа за станками. Входит Г. Ж. Д. Достает бумажку. Полизывает старосту. Дает бумажку ему. Тот читает и отказывает. Между ними происходит борьба. Староста вместе с учениками выгоняет Г. Ж. Д. Тот идет жаловаться Гальцову (директору парка).

Ребята возмущаются и посылают старосту за Лыгиным.

Входит Гальцов и представитель Г. Ж. Д. Гальцов предлагает отнять тиски. Спор. Вбегает Лыгин. Происходит борьба. Лыгин побеждает. Тогда он бежит в Райком за бумажкой. Г. Ж. Д. «оттенивает» тиски. Они хотят уже уходить, вдруг бегают Лыгин с бумажкой.

Гальцов ее читает, дает посмотреть ГЖД, та говорит: «Чепуха», Гальцов рвет бумажку и предлагает ребятам успокоиться и идет к дверям.

Тогда Лыгин кричит: «Скорее вы переступите через мой труп, чем возьмете тиски».

Гальцов и ГЖД хотели сначала переступить, но потом раздумали, положили тиски и ушли. Ребята ставят тиски на место и весело работают».

Кончив эту сцену, мы приступили к последней — «Занятия кружка физкультуры».

Пока убрали сцену от «станков», «тисков», столов и пр. бутатории, мы за кулисами готовились к спорт-выступлению. Участники стали облачаться в «спортивные костюмы». Инструктор, почти малыш, подмазал себе усы, а-ля Чаплин одел рубашку вместо трусиков, засучил один рукав и костюм готов.

В следующую раз мы решили опять поставить живое кино, материал уже взят—исключительно из местной жизни.

«Плывательник — лучший учитель». — Общий вид «Экрана».

НА ФЛОТСКОЙ УЧОБЕ.

Воспоминания Комсомльца Ф. Зимана

Рисунки Б. Мухина.

Едем.

ЕДЕМ, едем, не дозем, — погрохотывают оси вагонов и, верно, будто хотели не доехать. Три дня нас трясло.

Ладилась вагона коммуна. Выборные старшины юрко, хлопотно командовали печкой, продуктами: не погадил бы с первого блина. Долгуя, надеждную тряску коротали песней — в вагоне она сразу пошла. Разговоры какие же. Мысли все на одном: что-то там — Питер... служба... Скорей бы... Одно развлечение, веселье, рагуль — станции, остановки.

Остановки неторопкие, известные: «Максимкин» остановки.

Тут время не терали. В момент сотней цепой в чехарду в снежки, в ковельки, стена на стену...

Другая «работа» — станции, буфеты. Им пошадя не давали. Чтобы для поддержки торговли и также для собственного удовольствия. Деньги и карман не обидит — гуляй, чтоб все прогулять в денки последние, по матросски.

Норовили больше под 3-й звонок к буфетам — «со срочными заказами».

Брали ребята все: бутылки счетом и без счета, фунтами и без фунтов колбасу, ситный и все прочее, пока на буфетном прилавке ничего, кроме буфетчицких въздуханий не осталось.

Не дремал и наш агит-вагон. Такую развил «Росту» со всех концов света: и что было и что не было, и что будет и не будет — все развозило, разувалил, пропечатал — смеяся — не хочу. Так и стояло в газете: 100.000 экземпляров, 100 выпусков в день. Корреспонденты нашлись во всех вагонах. Корреспонденты притяже всех американских — не то что в мыслях у ребят, а что и завтра в них будет вызвали, доносили, пропечатавали.

Новая родина.

Питер серый, слякотный встретил закопченными заставами заводских слобод, пыльным, пестро-черным лесом фабричных труб. Ребята всем вагоном тянулись к люкам, вглядывались глазами в корпус, трубы, гадали который «Авива», Путиловский, с которого пошло первое в октябре. Хотелось похвастать своими московскими, да нет: где же! Далеко!

Туда бы, в корпус сходить, поглядеть какие они — «первые которые».

— Ладно, скнемся, увидим еще, не один горшок вместе каша съест. Все вынаем, потому не на ленок, — на пять лет ведь лучших — вторая родина, можно сказать...

Стоп. Ребята чинно, по очереди, по старшинскому указу из вагонов, чтоб не ударить лицом в грязь. Знай, дескать, московских.

Построились мы пестрой во всю платформу стеной с монатами, с гармошками, в валках хлопалах.

Гашение налева-а-а, — скомановали. Забухал оркестр. Замер, выплуч на нас сотни глаз, почетный взвод «салга»¹⁾. Лица

¹⁾ Салга — молодой моряк, не принявший присяги и поэтому не получивший еще ленточки и значек.

В чехарду, в снежки, в ковельки, стена на стену.

почетного зввода солидные, угрюмые, заезженные, серые: под питерский цвет. Глядели на них, гадали: какие через три месяца свои будут и так округило их. Потом узнали — климат, погода с неприятными.

С речами, с приветствиями кончили скоро.

Одно удивило — ни от комсомола, ни от партии никого не было. Страдала важность московская...

Первое знакомство.

Казарма Дерябинская — каменным сторожен на заливе. Кругом — забор с проволочным кружевом. Один протенок — в залив — попробуй вылез...

Ввалились.

Ворота — на шкелде; у калитки — часовая, штык — ершем. — Сюда — иди! Назад — ни-ни! Пропуск давай! Тпру-у!

Навстречу выспало все казарменное начальство — выползли из всех щелей какие-то писанные красавцы в брезентовых, в бабью юбку шириной, клешах, измызганные, с испитыми прозелеными рожами. С нами, мелкотой, в разговоры не пускались — много, мол, чести.

Ребята на них паянлись, гадали: который из всех вояка-герой...

Поставили нас «на фатеру». Нары — три аршина на брата.

Делать нечего, время девать некуда. — Айда по Питеру — поглазеть, Комсомол понохат. Раздрантились, потопали. У ворот — стоп!

— Пропуск!

Нет.

— Отваливай. К дежурному!

— Так и так в клуб сходить, в лавочку... Тот «без внимания»: не приказано. Ребята

а хай: мы — комсомольцы московской организации, как являемся добровольцами — почему не пускают.

Дежурный: так что — ничего про комсомольцев не приказано, а как молодым рекруткам — не полагается.

— Да что мы лезтерны, чоль!..

— Не приказано, и стоять тут в таком смысле не полагается. Обращайся по команде.

Выкатились. Не стоять тут, орет, арестует еще. Ладно, руки коротки. Завтра — прямо к комиссару, не лезтерны мы...

В казарме ребята раскидались кучками, толкучку про свое, про порялки.

Незаметьно, какой-то воровской, залихватской манерой подобрелись по одному измызганные красавцы. Видно — старые морячки и клещ и прочее такое. Интересно спросить про море, небось, эти все знают поплавали...

Заспрашивали.

Они роль внимания. Однако, ненадолго. С папирской деле пошло гладко, смыслости-вности. Рассказывали не торпело. *Первая наука* каким-то таинственным воровским шлопком. На самых едких местах то и дело подмигивали, харком отлеплялись в присест. Тянули подряд папирсы.

Несли всякую небывальщину про матросские вьюки. Научали ребят всему доброму. Первое: к началу чтоб всегда с добрым почтением, а не то, что лопухими — с пустыми руками... Перед комиссаром — держись, эти не берут. Нарвешься, тут глоткой бери, разводи категорию. В «безуловном отношении», «с точки зрения» приводи и так далее. Второе: с братвой не мудри, все доверяй, она не выдст, не жалей, все пополам дели, а то не залобит — пропадешь.

К чему таких учителей.

С утра переполошились. Кое у кого не дохватка вещей, денег. Гуляк — не добултых, не помнят ничего, как звать не помнят...

Вспомнили, догадались сами. Молодцы вчерашние очень высматривали, высматривали про вещи, удочку закидывали, кто из ребят попростей...

В момент справки чьи такие, с каких кораблей, отчего такое безобразие?

Доносились: выброшенные, как «негодный элемент», уволенные из венерических госпиталей и прочая шпана, на лет пролившаяся, ложившаяся во флоте последние денки. Хорошо еще, что не начальство, не учителя... Плакали ребята вещи с деньгами, плакали безутешно.

Собрания — нельзя. Взялись с Волопычьи Боржаковы, по всем кубрикам прошли, объяснили.

Коммунистам — давать пример ребятам, не накалывать и ребят отговаривать, хитрость в город не упирать. Выбранный пойдет к комиссару. Он — распоряжится. Никаких слухов, никакой бузы, жи!.. Заборотали ребята: не дезертиры мы, даешь занятия, а то в город даешь, не сидеть приехали, хлопочи...

— Ладно, сделаем, урезонились...

Комиссии.

Комиссии: медицинская, мандатная, техническая...

Комиссии — важные, не московские чета. Начальства поляна комната, строгое, сумей ступить, сумей сказать. Режет комиссия, пошадь не дает. То ростом не вышел, то — по политграмоте.

Ребята опять в хай:

Что за чорт:

Что за чорт: московской комиссии хороши были, а тут — на тебе. Даешь представителя Комсомола в комиссию. Похлопотали, хоть не по команде — все-таки добились. Соврать не вздумай! Соврал — попался — лодой поедешь!

Старались ребята, выжились, придумывали разные способы. Все-таки разгадали механику и самую трудную — медицинскую сумели обработать. Домой поехали очень мало и из этих большинство в Москве сумело затереть бузу, через Зофа, вернуться, потому: «Даешь служить!»

КОМСОМОЛИАДА.

Очерк И. Коцюруби.

ЖМЕРИНКА... Рабочая жемчужина Полоди... В клубе им. Томского собрание коммунистической молодежи. Секретарь Райкома оглашает список товарищей, желающих вступить в комсомол.

В зале шум и движение. Настех пишутся новые коллективные заявления. Сцена быстро заполняется кандидатами.

Засаленные куртки, закопченные полушубки, серые свитки... А среди них — выплясывает синие манто с сергами, черная шляпка и борювый воротничек...

Начинается персональный опрос.

— Тов. Гуляева, — вызывает председатель.

Встает 15-летняя девушка. Была в Спартаке¹⁾; это видно из ее спокойных и уверенных движений и ясного взгляда, в которых нарасна вера в силу, в молодую, могучую коллекцию...

— «Дочь рабочего-слесаря депо — коммуниста, посещает собрания ячейки клуба... Поручила работу — исполнять».

— Есть возражения?

Лес кур.

Приняли кандидатом.

— Стасевич.

Худенькое бледное лицо. Вглядел — игла острая, пронизывающая. Голос твердый и уверенный, как сталь...

— «Портной... работает у хозяев, член профсоюза, отец — рабочий...».

— Сколько лет?

— Шестнадцать.

— Ваш производственный стаж?

— Три года.

В зале шум оживления.

— А что, если за комсомол вас выгонят из дому?

— Перебуду на свое и движение, — твердо заявляет игольный взгляд.

Сзади неуверенно выглядывают шляпки, завитые прически...

Ведь принимается — «рабочая молодежь от ста-и-ка!».

Ведь поднимается к столу полушубок и большая папача.

— Рабочий?

— Не-е-ет... учащийся...

Опять шум.

— Большие организзованности, — призывает председатель.

— Да тут она и есть организзованность эта. Небось, не легко проходит...

А у стола продолжают слеповать полушубки, свитки, куртки и т. д. и т. д.

— Курузяк.

— Четыре года работаю в пекарне, член профсоюза...

— А отец?

— Крестьянин.

— Земли сколько?

— 1½ десятины на 7 душ.

Прием подходит к концу.

Перебрали основательно: из 43 приняли всего 13. Зато, все как на подбор...

Вот они стоят все спокойные, уверенные в себе, как у станка.

Взгляд — ревер, твердый, режущий, уверенный...

И у каждого в глазах загорается новый день комсомолиады...

Ребята на них являлись.

А главное — добивайся робы¹⁾, об кйше заботься. Без робы — шпана ты, никому не нужен.

И наколка²⁾ тоже — первое дело. Без наколки, как хожь божиш — морж ты фальшывый...

Насчет штаталог³⁾ тут — в каждом дворе, только слово знай, пароль...

И еще много плели «старые морячки», еще много доброго ребятам вложит старались; плели, а сами высматривали, кто всех старательней их слушает, будто незначай вынохивали, высматривали у кого какая олененка, деньги какие.

Мая все рты поразвали, верим, не верим, слушаем чудеса заморские, гадаем: ужели верно такое тут завеление, эдакие молодцы нас учить будут... Мало нашлось среди нас молодцов друзей. Стоило Ступить Боржаку на них окрыситься, сепидиться, поспать их подалеше, — стали отходить по одному от ихних чудес ребята.

Но все-таки нашлись, все-таки заработала наколочная мастерская, потели последние московские денки, какими-то путями с десятком выдрались с ними, с молодцами в город.

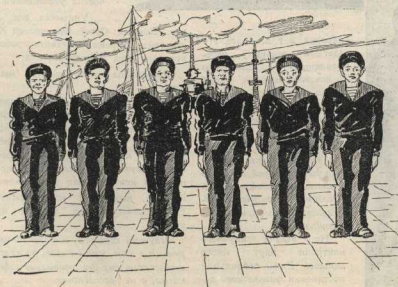
Вернулись — без оджки, без денег, пьяные, а кое-что еще с «подарочком», «пудика на полтора»⁴⁾.

¹⁾ Роба — обмундирование.

²⁾ Наколка — на теле накалываются иглой с несомываемой краской разные рисунки. В шарком флоте это было обязательным стилием моряка.

³⁾ Штаталог — самогон.

⁴⁾ Взялись венерически болелнями.

Даешь служить.

¹⁾ Спартак — организация юных пионеров на Украине.

О НАУЧНОЙ ПОСТАНОВКЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ.

Статья д-ра С. А. Иоинца. Сним. П. Ласса.

ШИРОКОЕ распространение физических упражнений среди простратой молодежи, ко- торое мы наблюдаем в настоящее время, выдвигает неотложный вопрос о постановке научного контроля и учета результата занятий по физкультуре.

Уже доказано, что физические упражнения являются самым средством оздоровления организма и, как все сильные средства, должны применяться в известном размере. Физические упражнения имеют двоякую цель: 1) общеоздоровляющее влияние и 2) корректирующее (исправляющее).

Общездоровляющее влияние физупражнений на организм ощущается у всех, правильно занимающихся физкультурой. О корректирующем же значении поговорим отдельно. Физкультура, тесно войдя в широкие массы трудящихся, дала самый разнородный контингент (состав) занимающихся людей, различных профессий, специальностей. Не секрет, что до сих пор многие отрасли физического труда (а часто и сама жизнь рабочих) находятся в явно нездоровых условиях.

Все это, конечно, не может не искажать свой рефлекс на организм и здоровье рабочих. Вот несколько примеров: вечно согнутое положение портных и сапожников влечет за собой искривление позвоночника, вредно отражаясь на органах дыхания и кровообращения. При работе в согнутом положении верхушки легких слабо работают, там, что создается благоприятная почва для заболевания туберкулезом.

Рабочие химиков проводят день в помещении с заведомо отравленным воздухом. С другой стороны, что мы видим у плотников, столяров? Им приходится работать большей частью одной рукой. Это влечет за собой искривление позвоночника и развитие одной половины туловища в ущерб другой.

Все о этих-то профессиональных недостатках и должна бороться, правильно и научно поставленная, физическая культура.

Большинство физических дефектов (недостатков) нашего организма могут быть исправлены путем правильного набора тех или иных упражнений.

Это одна из главных задач научного контроля. Физические упражнения только тогда приносят пользу, когда они производятся правильно. В этом случае они благотворно действуют на орга-

низм: под их влиянием дыхание и кровообращение усиливаются, обмен веществ повышается, мышечная система укрепляется и т. д.

Но то происходит, когда физические упражнения применяются неправильно. Чрезмерное увлечение спортом, погоня за рекордами и большими мышцами, нарастание которых не сопровождается соответствующим развитием сердца и легких, слишком раннее применение упражнения на аппаратах и

- I. Измерение кровяного давления.
- II. Телесный осмотр.
- III. Реакция на кровь.
- IV. Аспирометрия (измерение легких и везикулов).

носятся неправильно применяемые физические упражнения, но такая малая часть те благоприятные результаты, которые нам дала правильно поставленная работа.

При помощи специально подобранных приборов, врач, следящий за развитием индивидуума (отдельного участника), всегда находится в курсе работы всего организма, как отражаются те или иные упражнения на отдельных органах и общем состоянии и, даже больше того, может с точностью уловить, находится ли организм в состоянии тренированности или, наоборот, не утомился ли организм от усиленных физических упражнений.

Учитывая все вышесказанное, Высший Совет Физической Культуры постановил широко поставить работу научного контроля над занимающимися.

Результаты этой работы мы видим налицо.

Во всех губерниях и уездных центрах созданы комиссии, строго следящие за здоровьем занимающихся. Без предварительного осмотра ни один, желающий заниматься физкультурой, не допускается к работе. На первом всесоюзном правлении физкультуры в Москве был широко поставлен научный контроль над участниками составлений, наконец, лыжное и конькобежное первенство были проведены под строгим научным контролем.

Научный контроль сделает занимающиеся уверенными в том, что они идут по правильному пути и обеспечит ему действительно оздоровление организма, а не расслабление.

снарядов и т. д. — все это ведет к сильному переутомлению и истощению организма, вызывая порой самые нежелательные последствия.

Чтобы во время уловить эти недостатки и не пропустить нужного момента для вмешательства в занятия физкультурой, с целью исправления ошибок — необходим периодический медицинские осмотры занимающихся.

Но задачи научного контроля идут много дальше. Для правильной постановки физического воспитания важно знать не только вред, который при-

ЧТО ЧИТАТЬ

Первое мая в клубе. Сост. чл. П. Щелканов. 2-ое издание, значительно дополненное. «Молодая Гвардия». 10,000 экзemplаров. 192 стр. 1924 г.

Среди сборников о первом мая в помощь клубной работе, настоящий самый полный и интересный. Первое издание его вышло в прошлом году и скоро разошлось. Сборник составлен на основе о первом мая, указаний, как ставить вечера первого мая, множества воспоминаний, начиная от первых маяков в России до празднования 1-го мая наших дней. Особая ценность воспоминаний: Луначарского, Сапронова, Шляйникова, Коллонтай, Свержкова, Делча и др. Литературный материал представляет—Лешко, Вибиком, Кирилловым, стихами Гавриловича, поэзиями, снабженными нотами. К тексту приложены историко-революционные документы, несколько прокламаций, календарь 1-го мая, дозуги и исчерпывающая библиография. В последнее издание впервые входят воспоминания: Гурвича, Оскара, рассказы Лешко, Кириллова и другой материал.

К. Павлов. — *Положившая бомбу Барке*. Сектор «Юная пролетария» при Издательстве «Грибов». Ленинград, 1924 год. 7,000 экзemplаров, 130 стр.

Герой повести—Антон Барке—сын пролетария. Своей шантажистской трусоватой пью, полным богатых влюблений и приключений он прошел в суровой тяжелой жизни моряка-профессионала. Помимо списки качества моряка, Барке еще главный революционер, сидит до террам буржуазии, активно участвует в германской революции 1918 г. Бесхитрым языком, близким рабочей массе, он рассказывает о тяжелой труде моряка, о всем, что видел в «морской» жизни за свои 20 лет работы. Повесть производит радостное впечатление.

Составлена она довольно разнообразно, увлекательно, например, в текст вплетаются песни из жизни моряков, сама повесть доведена до наших дней. Комсомольцам и рабочей молодежи, интересующимся Красным флотом, эта книжка, помимо увлекательного рассказа, даст еще много практических сведений, тем более, что в тексте имеются специальные главы, озаглавленные «Как комсомольцу стать моряком». Горячо рекомендуем книгу.

Нарытское Маду. — Рассказы из жизни маленьких тружеников. Сборник I и II — Под редакцией В. Попова. «Земля и фабрика». Москва, 1923 г. 8,000 экз. 136 стр.

Сборник старых рассказов Пола, Розенгера, Ли, Струда, Дюкенса, Мак-Кинля и других иностранных писателей. Наиболее удачны рассказы: «Этот не пропадет», «Герой» Ревушю лоток», «Насовсем Сильвер».

Строителя небоскреба. — Рассказы. Под редакцией В. Попова «Земля и Фабрика», Москва 1924 г. 10,000 экз. 100 стр.

В-й сборник из серии «Герои и жертвы труда», большинство рассказов, вошедших сюда, взяты из «приключенческих» журналов. Отдельно стоит отрывок из романа «Углекопы» — Э. Зола. Ввиду белесости рынка в новой приключенческой литературе, сборник следует прочитать.

В. Вымычико. — «Фельда-Обороню». — «Молодая Гвардия». 1923 год. 7,000 экз. 32 стр.

Прекрасный рассказ известного украинского писателя дает типичное изображение мальчика, баловня, лодкиного, исключительно горячо любящего жизнь и природу.

Немного барчуку — сын хазина Фельдиной квартиры — захотелось по примеру Фельди, податься на лодку. Стрелками лодочной барчук почти гибнет. Но его спасает Фельда, сам еле

выбравшаяся из будущей ледяной реки. За это спасение Фельда получает от барни оплеуху, а протруженный, лежа в госпитале-барну, до смерти забывает своим отцом барчуком. Воспользовавшись смертью Фельды, барчук выманывает у матери обрывки его любимого чина.

В рассказе можно позаниматься с тем, как воспитывались до революции дети рабочих и дети буржуазии.

Беседа с деревенской молодежью.—Выпуск I и II. Беседа I, «Сюжет ли земля на трех нитках и беседа II — «Сюжет ли мир в шесть дней». Составил Николай Заровный. «Молодая Гвардия». 1924 г. 10,000 экз. 80 стр.

Первая беседа рассматривает вопрос о том, как устроена вселенная. Доказав, что земля круглая, она шар, что она имеет замкнутую форму, составитель останавливается на положении земли в пространстве, отсюда переходит к солнечной звездной системе и другим звездным мирам.

Вторая беседа объясняет происхождение этой вселенной. Здесь дается описание внутреннего состояния земли, даются теории о происхождении мира: Лавласа и Ауромуса и первое моменты существования земли. В конце приложены вопросы. Текст снабжен множеством иллюстраций.

Беседы популярны и хорошо составлены. «Молодые» им потрогивая Фраз шлет их железнодорожными вагоном крестьянской комсомольской массе. Для рабочей молодежи книга популярна.

Джек Лондон. — *До Аламы, Перевод с английского С. Ливского.* Изд. «Молодая Рабочая». Харьков, 1924 г.

«До Аламы» — повесть из жизни наших отсталых предков. Читается легко, с увлечением, дает ясное представление о жизни исторических людей и может послужить пособием для изучения истории первобытной культуры.

СОДЕРЖАНИЕ: М. Протусевич и Сабани. — Далеко Эрбе и К°. Главы IX и X. Жан Рипшон. — Катерина Новой Каледонии. Главы VII—IX. А. С. Серафимович. — Граумфон. Владимир Малиновский. — На утес каменной молочницы. Д. Петровский. — В котле партизанщины. В. Пауевич. — Левский события. Монгомери-Мак-Товери. — Тайна Лаваса. Я. Гольдберг. — Природа и культура. Файтин. — Служба радиотелеграфа. М. Карчагин. — Что и как можно извлекать. К.ш. — Ленинский набор. — Альтама. — Дель дель. В. Петрич. — Жизнь кино. * * * — Вуддинг руководители. Ф. Зимап. — На фототой утес. Коцубура. — Комсомольцы. Д-р Нопш. — О научной постановке физической культуры. На обложке: Казедрар. сыны, Страница читателя. Что читать. Кошуре на лодку! школу фабрично-заводскую. Иллюстрация художников: Дюрокосовского, Иванчука, Мухина, Игузинского, Решинова и др. Настоящий № 6-й «Семью» является последний для «однакого», подписавшихся на 3 месяца, — Во избежание добровольно в смысле «Семью» № 7, следует немедленно внести подписную плату в Главную контору журнала.

Издатель: «Молодая Гвардия» Редактор: Редакционная коллегия.

Главит 23.026. Тираж 25,000.